ЕРМАКЪ
или
ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ
XVI. СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе

ПАВЛА СВИНѢИНА.

Миръ праху твоему Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Россіи источенный
Твоимъ булатнымъ копіемъ.

И. И. Дмитріевъ.

Часть четвертая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1834.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были три экземпляра въ Цензурный Комитетъ. Санктпетербургъ, 10 Февраля 1834 года.

Цензоръ П. Гаевский.

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ГЛАВА I.

Москва печальная. — Царь сыно-убійца. — Царскій шутъ. — Сказочникъ. — Изступленіе Іоанна. — Донесеніе о пріѣздѣ Строгоновыхъ. — Прибытіе Кольца въ Москву. — Милостивый пріемъ Ермаковыхъ Пословъ. — Трехдневное ихъ угощеніе. — Внезапный уѣздъ Царя въ слободу Александровскую.

Давно Москва печальная, растерзанная не знала радости, не видала отрады, но никогда еще не бывала она въ такомъ унынiи, какъ въ дни пріѣзда Строгоновыхъ. Царь сыноубійца, преслѣдуемый ужасами ада, устрашаемый привидѣніями, затво-

рился, какъ въ могилѣ, въ слободѣ Александровской.

Правда, Іоаннъ принялъ опять бразды правленія, уступя моленіямъ вельможъ, которые утѣшались надеждою, что тѣмъ спасли себя отъ сѣтей его коварства; но мрачное бездѣйствіе Царя, не приступность къ нему, и тысячи храбрыхъ воиновъ, томившихся въ темницахъ — не предвѣщали ни раскаянія, ни умиленія Іоанна. Не довѣряли его чистому покаянію и смиренію, не смотря на одежду скорби, коею онъ облекъ себя и дворъ, ни на черную краску, коею велѣлъ покрыть златыя главы собора Монастырскаго, ни на панихиды, которыя онъ повсюду пѣлъ, ни на щедрые вклады, которые разсылалъ въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, думая тѣмъ купить себѣ спокойствіе ду-

шевное. Москва, съ трепетомъ, подобно робкой дѣвѣ, ожидающей удара, который готовъ разразиться изъ черной тучи, висящей надъ головою ея, ждала новой грозы, новыхъ кровопролитій. Ужасы сей неизвѣстности увеличивались видѣніями и чудесами, пугавшими суевѣрныхъ. Комета, носившаяся днемъ и ночью надъ Москвою, была, по всеобщему понятію, знаменіемъ величайшихъ бѣдствій. Многіе посадскіе люди оглушены были въ день Рождества Христова сильнымъ громовымъ ударомъ, который, какъ шепталъ между собою народъ, разразился надъ опочивальнею Царскою у самой кровати и превратилъ въ пепелъ ставецъ съ драгоцѣнностями и столъ, на которомъ лежала роспись Ливонскихъ плѣнниковъ, обреченныхъ смерти. Другіе, столь же осторожно и охот-

но разсказывали другъ другу о мраморномъ надгробномъ камнѣ, упавшемъ съ неба не далеко отъ Налеекъ (Замоскворецкой слободы); что найденныя на немъ слова никто не могъ разобрать, ни самъ Митрополитъ, ни двое Литовскихъ гадателей, которыхъ нарочно выводили для того изъ-за спѣнка, и что Царь въ глазахъ ихъ велѣлъ своимъ тѣлохранителямъ разбить камень, сказавъ: «смотрите, я всѣхъ васъ мудрѣе.» — Въ добавокъ къ сему, на всѣхъ наводилъ невольную грусть и ужасъ постыдный миръ съ Баторіемъ, въ слѣдствіе коего Іоаннъ торжественно отказался отъ Ливоніи, которую Россія около шести столѣтій именовала своимъ владѣніемъ, ибо бѣдные Русскіе страшились, что малодушный Царь, уступившій съ многочисленнымъ бодрымъ воинствомъ

славу и пользу Отечества горсть изнуреннаго, разноплеменнаго воинства Сапоріева, скоро познаетъ свое очарованіе и въ ихъ крови потщится потопить свой стыдъ и малодушіе!

Вотъ въ какомъ несчастномъ положеніи нашли Строгоновы Москву Государство. Къ бо́льшей же горести благодѣтель ихъ, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, уже самый близкій къ Царю Вельможа, еще ничѣмъ незапятнанный у престола Сановникъ, лежалъ на болѣзненномъ одрѣ отъ ранъ, полученныхъ имъ отъ державной руки, которую хотѣлъ удержать онъ отъ сыно-убійства. Годуновъ крайне жалѣлъ, что не могъ быть посредникомъ между ими и Государемъ въ столь славномъ дѣлѣ, но предвѣщалъ, что добрая вѣсть скоро проникнетъ за высокій тынъ

Александровской слободы; ибо Царь, не смотря на бездѣйствіе свое, любилъ знать все, что дѣлается, говорится и думается въ столицѣ. И дѣйствительно: не далѣе какъ на другой день молва о завоеваніи новаго Царства — богатаго, обширнаго, чудеснаго, распространилась повсюду, повторялась въ храмахъ Божіихъ, на крестцахъ (г) и на Красной площади, заглушила скорбь о недавней великой потерѣ; была тѣмъ радостнѣе, отраднѣе — чѣмъ неожиданнѣе, неимовѣрнѣе; народъ воспрянулъ духомъ.

Едва прошло два мѣсяца со дня смерти Царевича, а Іоаннъ по твердости-ли духа или отъ ожесточенія и притупленія всѣхъ чувствъ, начи-

(г) Въ Москвѣ почти на каждомъ перекресткѣ стояли кресты, у коихъ собирался народъ, большею же частію духовенство.

налъ жить по прежнему обычаю. Уже онъ не спеналъ и не вопилъ посреди ночи, не катался по полу въ отчаяніи, не боялся взора самыхъ приближенныхъ ему людей и по прежнему засыпалъ подъ шумныя забавы скомороховъ и шутовъ, или тихое мурлыканье слѣпыхъ сказочниковъ, — доколѣ звонъ колокола не призывалъ его къ заутрени.

Князь Аввакумъ Прохорычь Алёнкинъ, въ это время занимавшій мѣсто Князя Гвоздева, главы Царскихъ забавниковъ, возвратился изъ Москвы, набравшись подробностей у Годунова и на Красной площади о радостной молвѣ, привезенной Спрогоновыми, и какъ хитрый придворный спѣшилъ сообщить вѣсть сію Іоанну, боясь, чтобъ кто другой не предупредилъ его.

Нѣсколько разъ заглядывалъ Авва-

кумъ въ опочивальню Царскую изъ-подъ чернаго сукна, коимъ завѣшены были двери и обиты ея стѣны. Множество лампадъ, ярко теплившихся предъ образами, отражали свѣтъ, подобный солнечному, такъ что Аввакумъ могъ читать малѣйшее измѣненіе, производимое сказкою на лицѣ Царскомъ, не смотря, что Іоаннъ казался погруженнымъ въ глубокій сонъ. Онъ сталъ прислушиваться прилѣжнѣе къ сказкѣ...

«Подносила Пересвѣта, продолжалъ «слѣпецъ, зелена вина въ золотой ча-«рѣ, подавала вино добру молодцу на «серебряномъ подносѣ съ чернядью, «принималъ Илья Муромецъ золоту «чару изъ бѣлыхъ рукъ, а чара-то «была въ полтора вѣдра; хотѣлъ Илья «Муромецъ подсластить вино, какъ-«то водится въ православной Руси, «расправлялъ Илья свои черны усы,

«подступалъ Илья къ дѣвицѣ съ по-
«клонами, Пересвѣта молодца уда-
«ялется, авось богатырь догадается;
«и возговоритъ ему красна дѣвица:
«перекрестись добрый молодецъ, по-
«кажи, что не бусорманинъ ты?
«Илья Муромецъ на себя крестъ кла-
«детъ, а въ чарѣ, вмѣсто зелена вина,
«кровь черная ключемъ бьетъ....

«Кровь! кровь! вскричалъ Іоаннъ, вскочивъ съ постели. Да! на мнѣ кровь сына моего, я убилъ его.» Съ такимъ неистовствомъ произнесъ онъ слова сіи, что Аввакумъ поспѣшно спряталъ голову, которую было выставилъ изъ-подъ сукна, услышавъ Царскій голосъ, а сказочникъ затрепеталъ.... Іоаннъ долго молчалъ, но когда ужасное воспоминаніе начинало мало по-малу оставлять его, онъ съ усмѣшкою проговорилъ самъ съ собою: «Я омою эти черныя пят-

на чистою кровью, да! самою чистою, невинною.... Мнѣ будетъ легче!»... Проговоря слова сіи, Царь спокойно легъ на одръ свой и приказалъ слѣпцу продолжать свою сказку.

Но, безъ сомнѣнія, догадливый сказочникъ не пожелалъ быть въ другой разъ перерваннымъ столь пріятнымъ образомъ, а потому, пропустивъ описаніе кроваваго боя между Соловьемъ разбойникомъ и Ильею Муромцемъ, приступилъ къ изображенію освобожденія симъ послѣднимъ 70-ти красавицъ изъ плѣна жестокаго, разрушеніемъ очарованія, коимъ превращены онѣ были въ сизыхъ голубицъ.

«Кличетъ Илья Муромецъ своего «богатырскаго коня: гой еси, сивка «бурка, вѣщая коурка, встань передо «мной, какъ листъ передъ травой! «конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ

«ноздрей дымъ столбомъ, изъ ушей «искры сыплются. Сѣдлаетъ Илья «богатырскаго коня, надѣваетъ на «него сѣдельце Черкаское, придцать «подпругъ съ подпругою, шелку ше- «маханскаго; шелкъ не рвется, бу- «латъ не трется, аравійское золото «на грязи не ржавѣетъ. Садится Илья «на добра коня, ударяетъ коня по «крутымъ бедрамъ, конь осержается, «отъ земли подымается. Что не пыль «во чистомъ полѣ завивается, не «густой туманъ со озеръ, съ болотъ, «съ зеленыхъ луговъ растилается, «ѣдетъ-то сильный могучій бога- «тырь Илья Муромецъ, ѣдетъ онъ «девять дней, девять ночей, глазъ «не смыкаючи, росинкой Божіей гор- «ло не промачивалъ, зерномъ пшена «коня не кармливалъ; на десятый «день останавливается у десяти ду- «бовъ, на тѣхъ дубахъ десять тере-

«мовъ, а въ тѣхъ теремахъ сидятъ «десять голубицъ, а къ тѣмъ тере- «мамъ десять воротъ, все желѣзныхъ «и съ подворотнями, въ полпорася «пудъ каждая. Вынимаетъ Илья изъ «ноженъ свой мечь кладенецъ, а вѣ- «ситъ онъ двѣсти пудъ съ двумя «фунтами. Ударяетъ Илья мечемъ «въ первыя ворота, разсыпаются «ворота и съ подворотнею, другія «ворота и третьи разбиваетъ въ «два часа, четвертыя и пятыя въ «два денька, шестыя и седьмыя въ «двѣ недѣли, осьмыя въ два мѣсяца, «девятыя бьетъ Илья два года, а де- «сятыя двадцать лѣтъ. Не кручи- «нится Илья о трудахъ, о времечкѣ, «мудрено Ильѣ только выбрать свою «суженую, Пересвѣту прекрасную, изъ «семидесяти Царевенъ, что прокля- «тый Соловей натаскалъ въ гнѣздо «свое со всего свѣту Божьяго. Онѣ

«всѣ на одно лицо: бѣлы, какъ вешн-
«ній снѣгъ, румяны, какъ заря упрен-
«ня, у всѣхъ глаза черные съ пово-
«локою, грудь соколиная высокая,
»поступь лебяжья приманчивая, губ-
«ки, какъ маковъ цвѣтъ, зубы, что
«пивои жемчуги. Всѣ одно ласковы,
«привѣтливы. Глаза у добра молод-
«ца разбѣгаются, богатырское серд-
«це разгорается.....»

Аввакумъ замѣтивъ, что описаніе красавицъ произвело пріятное впечатлѣніе на лицѣ Іоанна, почелъ это счастливымъ временемъ для объявленія доброй новости. Съ шумомъ и запыхавшись вбѣжалъ онъ въ горницу и вставъ на колѣни, закричалъ:

«Не вели, Царь Государь, казнить, не вели рубить, вели слово вымолвить.»

Іоаннъ, привыкшій къ проказамъ своего забавника, которыя рѣдко бы-

вали безъ цѣли, ни сколько не встревожился внезапнымъ его появленіемъ и довольно милостиво сказалъ:

«Ври, дуракъ, что хочешь....»

Мнимому дураку только этого и хотѣлось, чтобъ Царь не разсердился на него съ перваго раза, онъ съ важностію всталъ съ полу и сказалъ:

«А что, кумъ, посулишь, коли совру тебѣ такую вѣсточку, что и Борькѣ Годунову не выдумать, даромъ, что восперъ....»

«Прежде Князь Аввакумъ Прохорычь Алёнкинъ со мной не торговался, «сказалъ Іоаннъ съ улыбкою.

«Правда, Ванюша, да вишь давно не было ничего добраго и веселаго, за чтобъ съ тебя новинку содрать?»

«Говори же скорѣе,« перебилъ его Царь съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, при неумѣстномъ замѣчаніи дурака, и дуракъ, опомнясь, что неос-

торожно проговорился, сбавилъ нѣсколько спѣси и продолжалъ. »Изволь, кумъ, я не въ тебя, скажу и даромъ. Кланяюсь тебѣ, батюшка, Царствомъ, да такимъ длиннымъ, да такимъ широкимъ, что твое Московское менѣе вотъ этой заплаты на моемъ охабнѣ....»

«Выдумай что позабавнѣе, а не то убирайся вонъ, «прикрикнулъ Царь, перевернувшись къ нему спиною.

«Не моя, кумъ, выдумка, а твоихъ заморскихъ купчинъ. ...»

«Говори прямо, что хочешь сказать, дуракъ? «сказалъ сурово Іоаннъ, поднявъ опять голову.

«То, куманекъ, что купчины Сипроговы прикапили вчера изъ - за придевять земель, придесятаго Царства, инъ на собакахъ, инъ на медвѣдяхъ, и привезли де тебѣ на поклонъ Царство Сибирское....»

«Слушай Прохорычь, сказалъ Іоаннъ, вставая съ постели, коли ты выдумалъ сказку, чтобъ потѣшить меня, то я потѣшу тебя по своему, — посажу на колъ; еслижъ окажется правда, то за добрую вѣсть пожалую тебя парчевою парою.»

«Много милости, куманекъ, замѣтилъ Аввакумъ въ полголоса.

Іоаннъ приказалъ немедленно послать за Годуновымъ, а Прохорычь принялся ему разсказывать все, что онъ слышалъ въ Москвѣ, или что въ состояніи былъ выдумать о Сибири и Строгоновыхъ. Государь давалъ волю его гибкому языку, слушая вранье его, какъ сказку, или скорѣе, — ничего не слушая — въ дремотѣ и размышленіи.

«Повѣрь только дуракамъ всё, что болтаютъ, продолжалъ Аввакумъ, то пожалуй и меня съ толку собьютъ,

и ты, куманекъ, не всякому слуху вѣрь. Вишь на Красной-то площади одни баютъ, что Спрогоновы привели тебѣ Сибирскихъ медвѣдей — ростомъ чуть не съ курятныя ворота, а другіе толкуютъ, будто-то не медвѣди, а новой Сибирской твой народецъ изъ Лукоморья, гдѣ лѣтомъ онъ бываетъ человѣкъ человѣкомъ, а зимой оберпываепся въ медвѣдей и волковъ (1). И Антропка цѣловальникъ, даромъ что разбираетъ печатныя книги, а не съ умѣлъ же разгадать мнѣ, гдѣ эпотъ окаянный народъ, котораго какой-то сильный могучій Царь, ну, словно ты, Ванюша, замуровалъ въ желѣзныя стѣны, (2) откуда Строгоновы достали боярскую дочь, да такую пригожую,

---

(1) Извѣстная сказка Геродота о Киммеріянахъ.

(2) Александръ Македонскій.

да такую нарядную, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Болтаютъ, что подали имъ ее въ волоковое окошко...»

«Догадливы купчины, запаслись къ намъ и добрымъ товарцомъ, примолвилъ Царь, улыбаясь...

«Какъ же куманекъ, они вѣдь ребята смышленые, знаютъ твою охотку... а я бы, Ванюша, на твоемъ мѣстѣ взялъ у нихъ лучше кота заморскаго; слышно говоритъ по человѣчьи. Дѣвокъ-то у насъ и своихъ много. Любую выберемъ въ Москвѣ, а кота-то другаго не сыщешь скоро. То-то бы мы съ тобою наслушались дивнаго и разумнаго; къ чему бы и Борька послѣ годился?»

«Помнится, сказывали, что и дочька у Максима Спрогонова вельми смазлива, сказалъ Іоаннъ весело; а это еще болѣе ободрило забавника разска-

зывать были и небылицы, и предлагать Государю пріятельскіе совѣты, доколѣ не вывелъ онъ его изъ терпѣнія и отъ одного взгляда — не зажалъ себѣ рта.

Прибытіе Ермакова посольства не замедлило увеличить радость Московскихъ жителей и удостовѣрить самыхъ недовѣрчивыхъ въ справедливости извѣстій, привезенныхъ Строгоновыми. Кольцо, взявъ къ себѣ въ вожатые Князя Имбердоя, благополучно пробрался чрезъ Каменный поясъ и Пермь волчею дорогою, ѣхавъ въ нартахъ, то на собакахъ то на оленяхъ, которымъ путь по глубокому снѣгу прокладывали Вогулы на лыжахъ.

Весьма простительно, ибо вездѣ такъ было и будетъ, что, по пріі-

ѣздѣ козаковъ, забыли о Строгоновыхъ; въ цѣлой Москвѣ говорили только объ Ермакѣ Тимофеевичѣ и храбрыхъ его сподвижникахъ, разсказывали о безчисленныхъ воинствахъ, разбитыхъ ими, о чудныхъ народахъ, ими покоренныхъ, о ихъ Шаманахъ, которые отрѣзываютъ себѣ голову, когда колдуютъ и опять приставляютъ ее къ своей шеѣ (1) и проч. с. п; а о несмѣтныхъ богатствахъ, найденныхъ козаками въ Сибири, никто не смѣлъ и усомниться, видя Пословъ ихъ гордо расхаживающихъ по Красной площади въ драгоцѣнныхъ собольихъ шубахъ и высокихъ гарлатыхъ шапкахъ, словно Бояре первостепенные.

Царь Іоаннъ Васильевичь, по расчетамъ ли политики своей, дабы

(1) Это повѣрье о Шаманахъ доселѣ услышите въ Якутскѣ.

поддержать народный восторгъ, или дѣйствительно бывъ и самъ обрадованъ столь неожиданнымъ приращеніемъ своего могущества, не скрывалъ удовольствія и ко всеобщему удивленію и радости назначилъ принять атамана Кольца въ Кремлевскомъ Дворцѣ, наравнѣ съ послами, присылаемыми къ нему отъ Азіятскихъ народовъ.

Народъ уже рано поутру толпился у Краснаго крыльца, желая взглянуть на Царя, давно невиданнаго имъ въ сполицѣ, а того еще долѣе, при торжествѣ столь веселомъ и радостномъ. Скоро народный шепотъ возвѣстилъ, что Царь проѣхалъ къ Годунову. Боялись, чтобъ воспоминаніе ужасной причины его болѣзни, не омрачило опять Іоаннова нрава; но къ общему всѣхъ обрадованію Государь возвратился отъ Бориса Ѳеодорови-

ча съ лицемъ столь свѣтлымъ и спокойнымъ, какого давно въ немъ не запомнили.

Когда ввели Кольца съ его свитою въ пріемную палату, Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ, окруженный знаменитѣйшими сановниками и тѣлохранителями въ бѣлыхъ кафтанахъ съ серебреными сѣкирами и золотыми цѣпями на груди. По сторонамъ, на длинныхъ столахъ разложена была дань, собранная Ермакомъ съ новопріобрѣтеннаго Царства и состоявшая изъ 50 сороковъ рѣдчайшихъ соболей, 20 черныхъ, какъ смоль, лисицъ, и 50 бобровъ струившихся серебромъ. Съ непоняпнымъ трепетомъ безтрепетный герой Сибири подалъ челобитную Ермака въ руки грознаго Монарха, нѣкогда осудившаго его на позорную смерть, и повергся къ подножію его Престола.

Въ семъ умиленномъ положеніи, весьма пріятномъ для Іоанна, козаки ожидали рѣшенія судьбы своей во все продолженіе чтенія Дьякомъ Ермаковой челобитной. Завоеватель Сибири доносилъ Государю: «Что его бѣдные, «опальные козаки, угрызаемые совѣ«стію, исполненные раскаянія, шли на «смерпь и присоединили знаменитую «Державу къ Россіи во имя Христа и «великаго Государя — на вѣки вѣковъ, «доколѣ Всевышній благоволитъ сто«ять міру. (1) Что они ждутъ Указа «и Воеводъ его, сдадутъ имъ Царство «Сибирское, и безъ всякихъ условій, «готовы умереть, или въ новыхъ под«вигахъ чести, или на плахѣ, какъ бу«детъ угодно ему и Богу.»

Іоаннъ ласково приказалъ Атаману и всѣмъ козакамъ встать, пожало-

---

(1) Карамзина т. IX. стр. 396.

валъ Кольцу облобызать свою руку и съ особенною милостію сказалъ:

«Витязи добрые! Вы давно уже «искупили прежнія вины свои дѣла«ми славными, услугою, за которую «отечество вамъ будетъ вѣчно бла«годарно. Прославимъ Господа за ве«ликія щедроты Его къ нашему Го«сударству и испросимъ мудрости «достойно наградить виновниковъ «сей благодати.»

Немедленно Митрополитъ приступилъ къ отправленію торжественнаго молебствія съ колѣнопреклоненіемъ въ Успенскомъ Соборѣ, при оглушительномъ звонѣ всѣхъ колоколовъ. Царь молился съ непритворнымъ усердіемъ и повелѣлъ три дня продолжать звонъ по всѣмъ церквамъ въ столицѣ. Бояре и даже простолюдины пѣли благодарственные мо-

лебны и на перерывъ честили вѣстниковъ столь счастливаго событія, напоминавшаго имъ незабвенныя времена Іоанновой юности, завоеваній Царствъ Казанскаго и Астраханскаго.

Сибирскій Посолъ со всѣми его провожатыми угощаемы были три дня сряду во Дворцѣ Государевомъ, и Царь посылалъ имъ въ золотыхъ мискахъ лучшія блюда со стола своего. Во все сіе время Іоаннъ былъ милостивъ, снисходителенъ, неоднократно бесѣдовалъ по нѣскольку часовъ съ Кольцомъ и Строгоновыми о Сибири и всѣхъ нуждахъ ихъ и предположеніяхъ, и обѣщалъ, не замедля, отпустить ихъ съ полнымъ удовлетвореніемъ; но вдругъ къ общей печали и страху, уѣхалъ, по прежнему съ небольшимъ числомъ придвор-

ныхъ, въ свою Слободу Александров-
скую, — неприступную жалости и
милосердію.

ГЛАВА II.

Строгоновъ и Годуновъ въ бѣдѣ. — Походъ въ слободу медвѣдей. — Потѣха. — Разсказы шута. — Іоаннъ за обѣдней. — Ужасная забава. — Строгоновъ въ отчаяніи. — Трапеза царская. — Строгоновъ предъ Іоанномъ. — Іоаннъ смиренъ добродѣтелью. — Узнаетъ объ ослушаніи и прощаетъ. — Ощущеніе милосердія. — Слобода Александровская. — Торжественное отправленіе въ Сибирь Пословъ Ермаковыхъ. — Ермакъ пожалованъ Княземъ Сибирскимъ. — Дерзкая шутка Аввакума.

Строгоновъ съ Годуновымъ увидѣли опасность, въ которую они вверглись, не выполнивъ повелѣнія Царя Грознаго. Іоаннъ, найдя Годунова дѣйствительно страдавшимъ отъ руки его, обнялъ его, а узнавъ притомъ,

что врачуетъ его Строгоновъ, приказалъ сему послѣднему, чтобъ онъ поставилъ самыя мучительныя заволоки на груди и на шеѣ, Ѳедору Нагому, отцу Царицы, въ наказаніе за его ябедничество, ибо Нагой донесъ ему, что Годуновъ не является ко Двору отъ досады и злобы, а не отъ болѣзни. Въ тоже время Строгонову Государь пожаловалъ за его искусство и попеченіе о своемъ любимцѣ, право Именитыхъ людей *съ вичемъ*, коимъ пользовались только знатнѣйшіе Государственные чиновники.

Годуновъ надѣялся, что въ Москвѣ скоро изыщетъ онъ случай пасть къ ногамъ Государя и признаться, что онъ причиною невыполненія Строгоновымъ его святой воли — изъ жалости къ дряхлымъ лѣтамъ его тестя. Но въ Александровской

Слободѣ никто безъ позволенія не имѣлъ доступа къ Царю, и самыя вѣсти, даже сокровенныя, проникали не иначе, какъ чрезъ желѣзныя ворота, всегда запертыя и охраняемыя многочисленною стражею, но проникали преувеличенными, искаженными, какъ онѣ часто выходятъ изъ устъ лазутчиковъ и наемщиковъ. Одна надежда оставалась на пособіе умнаго и добраго Князя Аввакума Прохоровича, котораго Годуновъ не рѣдко употреблялъ въ подобныхъ случаяхъ, когда не оставалось уже другаго доступа къ Іоанну. И до шута Царскаго доступъ былъ не весьма легокъ, и требовалось большой осторожности и благоразумія, дабы ускользнуть отъ тысячи глазъ, устремлявшихся обыкновенно на незванаго пришлеца въ негостепріимныя стѣны Слободы Александровской.

Долго думали и гадали, съ кѣмъ бы передать ему грамотку, наконецъ Кольцо предложилъ сдѣлать сію довѣренность козаку его Коржу, котораго можно было послать туда съ медвѣдями, приведенными для Царской потѣхи Строгоновыми. Кольцо ручался за его скромность и смышленость. И такъ, давъ Коржу наставленія, немедленно отправили его въ Слободу съ двумя важными порученіями — съ учеными медвѣдями для Царя и небольшею грамоткою къ его шуту. И проворный Коржъ вполнѣ оправдалъ сіе довѣріе.

Съ барабаннымъ боемъ и страшнымъ ревомъ подошелъ онъ къ Неволѣ, находившейся за три версты отъ Слободы, гдѣ стоялъ обыкновенно передовый отрядъ Стрѣльцовъ для обыска путешественниковъ. Такъ какъ проводники медвѣдей, шесперо

дюжихъ рослыхъ мужиковъ, наряжены были въ Остяцкіе парки, а на звѣряхъ, которые шли на заднихъ лапахъ, надѣты Вогульскія шапки, то весьма естественно, что приближеніе столь страннаго сонмища, встревожило блюстителей Царскаго покоя. Стрѣльцы схватили оружіе и построились у заставы въ боевой порядокъ. На вопросъ сторожеваго, кто идетъ и за чѣмъ? Коржъ, который отдѣлился отъ своей блестящей свиты, смѣло отвѣтствовалъ, что ведетъ Царю на поклонъ новыхъ его Сибирскихъ холопей. «Не «подумайте, братцы, продолжалъ ко«закъ весело, что мы Сибиряки не «съумѣемъ добрымъ людямъ покло«ниться и слова ласковаго вымол«вить, даромъ что съ рожи-то не «кошны и прихмуроваты.» Онъ подалъ непримѣтный знакъ и медвѣди

съ ужаснымъ ревомъ кувыркнулись нѣсколько разъ впередъ. Съ подобными шутками и разсказами Коржъ пробрался съ своими медвѣдями до самаго Царскаго Дворца, далѣе его не пустили безъ доклада Государю.

Къ счастію Стрѣлецъ, посланный къ постельнику съ донесеніемъ, встрѣтилъ въ передовыхъ сѣняхъ знакомаго намъ Князя Аввакума Прохоровича, который, какъ одинъ изъ числа придворныхъ, снѣдаемыхъ любопытствомъ, переходилъ съ мѣста на мѣсто, стараясь собирать, или извлекать чѣмъ бы потѣшить Царя. Онъ взялся доложить Государю; но прежде того вышелъ самъ посмотрѣть на подарокъ Строгоновыхъ. Смѣтливый Коржъ, увидя низенькаго горбатаго старичишку въ превысокой боярской шапкѣ, смѣкнулъ разомъ, по сдѣланному ему описанію,

что это тотъ молодецъ, до котораго ему было дѣло. Боясь упустить сей счастливый случай, онъ тотчасъ подошелъ къ нему и поклонясь почти до земли, спросилъ: «Твоя милость не Борисъ ли Ѳедоровичь Годуновъ?» «Нѣтъ! отвѣчалъ спѣсиво Аввакумъ.» «Коли не бояринъ Годуновъ, то вѣстимо не хуже его, а може и ближе къ яснымъ очамъ Государевымъ. Порадѣй, бояринъ батюшка, донести Царю, что его де Сибирскіе холопи, указывая на медвѣдей, прибрѣли изъ-за дальнихъ лѣсовъ, отъ широкихъ рѣкъ, съ высокихъ горъ, не разуваючись, рубахи не снимаючи, бить челомъ на воровство его людей Строгоновыхъ, что имъ житья не даютъ, съ нихъ шубы дерутъ, да въ казну Царскую кладутъ.« Онъ всунулъ медвѣдю въ лапу большую бумагу, завернувъ искусно въ

нее извѣстную грамотку Годунова. Мишукъ съ низкими поклонами и жалостнымъ ревомъ подалъ челобитную Аввакуму, которому въ тоже самое время проворный Коржъ успѣлъ сказать на ухо: «не зѣвай.» Этого достаточно было для неменѣе смышленаго шута, который и по первымъ словамъ козака о его сходствѣ съ Годуновымъ смѣкнулъ, что шутъ что нибудь да кроется. Положивъ тщательно бумагу за пазуху Аввакумъ, чтобъ не подать малѣйшаго сомнѣнія и пересказать подробнѣе Царю о достоинствѣ медвѣдей, заставилъ ихъ показать свои таланы. Восхищаясь отъ всей души разумомъ косматыхъ обитателей лѣсовъ Сибирскихъ, Аввакумъ божился всѣми святыми, что всѣ Царскіе медвѣди, которыхъ по нѣскольку ежегодно присылаютъ изъ Новагорода и Ваги

для Царской забавы, не стоютъ уха Сибирскихъ потѣшниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, рабское послушаніе сихъ ужасныхъ звѣрей волѣ своихъ вожатыхъ было еще удивительнѣе по ихъ свирѣпости, которую ничѣмъ не могли истребить въ нихъ. Они бросали по сторонамъ кровожадные взоры, и кажется говорили, что еслибъ не крѣпкія желѣзныя кольца, продѣтыя имъ въ ноздри и въ обѣ губы, удерживали ихъ, то они давно бы управились посвойски съ милыми своими приставами. Въ особенности многіе Сибирскіе обычаи, неизвѣстные въ Россіи, представленные медвѣдями, доставили Аввакуму и Стрѣльцамъ, высыпавшимъ изъ сторожевой избы, несказанное удовольствіе, на примѣръ: какъ Вогулы на лыжахъ бѣгаютъ, какъ Остяки сѣкутъ своихъ божковъ, когда приходятъ съ лѣ-

су безъ добычи, какъ бѣлки по деревьямъ скачутъ и грызутъ кедровые орѣхи. Неповоротливость неуклюжихъ подражателей быстрымъ, легкимъ звѣрькамъ морила со смѣху, не менѣе того тѣшились они злостію и гнѣвомъ медвѣдей, когда подали имъ, вмѣсто орѣховъ, по круглому булыжнику. Но испытаніемъ ихъ ярости и силы болѣе всего послужило предсшавленіе, какъ Сибиряки подстерегаютъ оленей при переправахъ черезъ рѣки. Подползя съ осторожностію къ чуткому животному, звѣроловы съ остервененіемъ нападаютъ на спадо, бьютъ, колютъ ихъ сколько можно болѣе, а другіе внизу рѣки подбираютъ раненыхъ, несомыхъ быстриною струи. Медвѣди съ кольями въ лапахъ, махая въ обѣ стороны, по неловкости часто задѣвали другъ друга и наконецъ до того при-

ходили въ ярость, что съ свирѣпостію кидались одинъ на другаго, и тогда требовалось большаго искусства и усилій, чтобъ разнимать ихъ между собою.

Аввакумъ, полный любопытныхъ вѣстей, вошелъ съ немалою спѣсью въ свѣтлицу Царскую, когда Царь облачался, сбираясь къ поздней обѣднѣ.

«Ну, кумъ, сказалъ онъ, не даромъ же ты велѣлъ трезвонить по всѣмъ церквамъ за новое-то Царство.

«А что,» спросилъ Государь.

«Какъ что, не ужто тебѣ не слышно было, какъ орали твои Сибирскіе пѣсенники, выли не хуже твоей Царицы.»

«О чемъ Царицѣ плакать,» спросилъ Іоаннъ съ поспѣшностію?

«Какъ о чемъ, отвѣчалъ Аввакумъ,

«развѣ Ѳедька Нагой не батька ей — «вишь стало жаль старика.»

Іоаннъ затрепеталъ отъ гнѣва: глаза его наполнились кровію и онъ тотчасъ же послалъ Богдана Бѣльскаго спросить у Царицы Маріи Ѳеодоровны, не жаль-ли ей своего отца?«

«Забѣги-ста полюбоваться на своихъ новыхъ холопей,» продолжалъ Аввакумъ, какъ будто не примѣчая Іоаннова гнѣва; «они давно дожидаюпіся тебя у сторожевой избы, чай проголодались сердечные. Ну ужъ звѣри, Ванюша, такіе дюжіе да свирѣпые, что твои Важскіе? Будетъ чѣмъ тебѣ позабавиться уже на Красной площади. Ха, ха, ха, Какъ спустимъ шесперыхъ-то на кучу, то ни пѣшій, ни конный врядъ ли цѣлъ уберется домой. Ха, ха! ха! Только и знай, что станутъ поцолкивать руками, да ногами, словно орѣшками...»

Іоаннъ въ молчаніи и безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ выслушалъ разсказы шута о достоинствахъ медвѣдей и продолжалъ свое шествіе въ церковь, какъ у порога встрѣтился съ Бѣльскимъ, который принесъ въ отвѣтъ отъ Царицы, «что какъ она, «такъ и отецъ ея въ его Царевой «волѣ, да творитъ онъ съ ними, что «разсудитъ за благо.» Іоаннъ взглянулъ изъ подлобья на Бѣльскаго и не сказалъ ни слова, — пошелъ далѣе.

Съ благоговѣніемъ молился Государь въ храмѣ Божіемъ и столь усердно клалъ земные поклоны, что на челѣ у него сдѣлалось красное пятно; казалось, всѣ помышленія его спремились къ Престолу Всевышняго.

По окончаніи службы Іоаннъ при выходѣ изъ церкви подкликнувъ къ себѣ любимаго своего Стольника Че-

ремисинова, послалъ его съ повелѣніемъ, коего послѣднія слова: *вели изъ губъ вынять оба кольца*, произнесъ довольно громко. Никто не понялъ значенія этихъ словъ, но всякой съ подозрѣніемъ взглянулъ на другаго, ибо жалость давно изгнана была изъ сердецъ людей, окружавшихъ Іоанна, и одно подозрѣніе было извѣстно въ Слободѣ Александровской.

Возлѣ церкви, Іоаннъ замѣтилъ Никиту Строгонова, который, получивъ наканунѣ Указъ Царскій явиться въ Александровскую Слободу, поспѣшилъ выполнить волю его, тѣмъ болѣе, что въ слѣдствіе Царскаго повелѣнія ему выданы были изъ казны прогонныя деньги за 97 верстъ на двѣ подводы (1). Царь, подозвавъ его къ себѣ, милостиво подалъ ему

(1) Явствуетъ изъ грамоты.

руку для цѣлованія и сказалъ весело: *Божія Богови, а Кесарева Кесареви*, давъ знакъ, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ. Всходя на красное крыльцо, Царь опять обернулся къ Спрогонову и сказалъ съ улыбкою: «Испытаемъ, Именитый человѣкъ, твой подарочекъ!»

«Государь, отвѣчалъ Никита съ подобострастіемъ. Все, что ни имѣю, есть твое достояніе и кланяюсь отъ щедротъ твоихъ.»

«Мой Князь изъ Князей, продолжалъ Іоаннъ шутливо, не можетъ нахвалишься твоими медвѣжатами. Хочу ими потѣшишься, прибавилъ онъ съ значительною усмѣшкою, садясь въ кресла, нарочно спавившіяся для Государя на стеклянной галдареѣ для подобныхъ зрѣлищъ.

Спрогонова поставили недалеко отъ Государя; не видя ни висѣлицъ,

ни эшафотовъ, онъ полагалъ, что преступники, сшоявшіе посреди Краснаго двора въ кандалахъ и рубищахъ, окруженные рогатками и вооруженною стражею, призваны были для полученія помилованія отъ Царя, умиленнаго божественною службою. Спокойствіе Іоанна еще болѣе его въ томъ удостовѣряло. Въ минуты сего размышленія вбѣгаетъ Аввакумъ. «Кумъ, кумъ, вскричалъ онъ, дрожа отъ страха, вели-сіа кинуть хоть собаку Сибирскимъ нахаламъ. Того и смотри, что голову сорвутъ вожакамъ: слышь какъ осерчали съ голоду.»

«Именемъ моимъ прикажи, чтобъ поперпѣли немножко, сказалъ Іоаннъ съ довольною усмѣшкою, скоро бросятъ имъ не одну собаку... »

«Коли ужъ меня не побоялись, проклятые, прибавилъ Аввакумъ, гордо

избоченясь, то тебя, щедушнаго, подавно не струсятъ. . . .»

«Диво, куманекъ, а кажись мухи-то Московскія не чета Сибирскимъ медвѣдямъ, да и тѣ тебя пугаются, когда ты меня обмахиваешь.»

«Я бы пугнулъ, Ванюша, порядкомъ и Стеньку Баторія, кабы была моя воля,» сказалъ дуракъ.

Судя по свирѣпому взгляду, который кинулъ Іоаннъ на Аввакума, можно полагать, что за сіе острое словцо онъ пожаловалъ бы его острымъ желѣзцомъ своимъ, если бъ ужасный ревъ медвѣдей, входившихъ чрезъ калитку, не увлекъ къ нимъ всего его вниманія.

Царь пріятно изумился свирѣпости и огромности звѣрей. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на всѣ ихъ проказы, хотя весьма трудно, и даже опасно было принудить ихъ къ

послушанію; ибо, по приказанію Царя, отданному въ церкви чрезъ Черемисинова, освобождены были ихъ пасти отъ колецъ и они управлялись одними, продѣтыми въ ноздри. Эта свобода была причиною того, что при представленіи оленьей ловли, никакъ не могли удержать медвѣдей въ повиновеніи, и они до того озлобились, что стали терзать одинъ другаго зубами. Кажется, Іоаннъ ожидалъ только этой минуты: по данному имъ приказанію, вожатые выпустили изъ рукъ послѣднія веревки и спѣшили укрыться за рогатки, которыя въ тоже время раскрыты были со стороны узниковъ; голодные, разъяренные медвѣди съ свирѣпостію бросились на толпы беззащитныхъ и въ мгновеніе ока произвели между ними кровопролитіе, приводящее въ содроганіе человѣчество.

Добрый Строгоновъ обомлѣлъ отъ ужаса и негодованія. Онъ дѣлалъ себѣ упреки, считая себя нѣкоторымъ образомъ причиною сего безчеловѣчія, и негодованіе его усилилось, когда увидѣлъ, что онъ одинъ смотритъ на сіе зрѣлище съ омерзѣніемъ. Іоаннъ, напротивъ, забавлялся имъ въ полной мѣрѣ, особливо, когда нѣкоторые изъ узниковъ вступали въ рапоборство съ ужасными звѣрями и отчаяніе придавало имъ сверхъестественныя силы и проворство, или старались бѣгствомъ и обманами избѣжать ихъ когтей. Отрывистыя поощренія и отвратительный хохотъ Іоанна и его достойныхъ клеврetовъ, подобныя тѣмъ, которыя слышатся обыкновенно при травлѣ звѣрей собаками, — мѣшались со стономъ и проклятіями несчастныхъ.

Пресытясь кровію невинныхъ, ибо

но были тѣ Русскіе герои, которые удивили враговъ своимъ мужествомъ и терпѣніемъ (1), но коихъ обвинялъ Іоаннъ малодушною сдачею Ливонскихъ городовъ Баторію, тогда какъ самъ былъ тому причиною, отдалъ приказаніе остановить медвѣдей, но ему донесли, что ничто, кромѣ пули, не въ состояніи усмирить ихъ. «Они свое дѣло сдѣлали,» сказалъ равнодушно Іоаннъ, и далъ согласіе перестрѣлять ихъ.

Съ веселымъ лицемъ и спокойнымъ духомъ Іоаннъ прошелъ прямо съ кроваваго пиршества за обѣденную трапезу. Явился и Князь Аввакумъ съ обыкновеннымъ своимъ остроуміемъ. Замѣтивъ хорошее расположеніе Царя, онъ смѣло подошелъ къ нему и сказалъ:

---

(1) И. Г. Р. Карам. Том. IX стр. 336 и примѣчаніе 617.

«Чуръ неправду сказалъ я о Строгоновскихъ-то? Потѣшили, проклятые, нали животики надорвали. Пуще всѣхъ позабавилъ старичишка. Говорятъ, Ванюша, онъ изъ Донскихъ разбойниковъ, такой же атаманъ, какъ Тимофеевичь. Да ужъ и лихой паря: ломался съ Мишкой, покуда топъ не своропилъ ему черепъ на носъ. Чтобы тебѣ, кумъ, догадаться, да велѣпь бросить за одно Ѳедьку Нагова; этотъ бы не пискнулъ въ лапкѣ у Сибиряка, а то пожалуй, долго еще протаскается съ заволокой на шеѣ, а Царица все будетъ ревѣть. . . .»

Царь опустилъ ложку, какъ будто припоминая что-то, и спросилъ: «тутъ-ли Строгоновъ?»

На отвѣтъ, что онъ прибылъ еще во время обѣдни, Іоаннъ приказалъ снести къ нему нѣсколько лучшихъ

блюдъ съ своего стола, а послѣ отдыха позвать его къ себѣ въ опочивальню.

Строгоновъ почувствовалъ неимовѣрное спокойствіе, готовясь предстать предъ лице Іоанна. Страхъ Божій побѣдилъ страхъ человѣческій въ сердцѣ добродѣтельномъ, богобоязненномъ. . . . . .

Съ сими мыслями и ощущеніями вступалъ Строгоновъ въ опочивальню Царскую. Приподнявъ сукно, онъ пораженъ былъ тяжкимъ стономъ и глухими словами, вырвавшимися изъ груди Іоанна: *ипть легче!* . . . . *испытаю.*

Еслибъ можно было проникнуть въ душу Іоанна, то безъ сомнѣнія прочли бы смущеніе, какое онъ почувствовалъ внутренно, увидя тихаго, робкаго Строгонова представшимъ къ нему съ спокойствіемъ и

равнодушіемъ, коихъ не могли соблюдать въ его присутствіи самые неустрашимые изъ Воеводъ его — прочли бы, можетъ быть, что онъ первый разъ въ жизни позналъ мужество воина Христова, что онъ трепеталъ не отъ ярости, а отъ уничиженія, отъ скорби, не находя въ себѣ ни силъ, ни воли наказать духовнаго побѣдителя. Но и теперь, въ продолженіе всего разговора Іоаннъ умѣлъ искусно скрыть свои помышленія.

«Максимъ, сказалъ онъ Спрогонову, сидя на одрѣ своемъ, ты видѣлъ, что я умѣю столь же щедро награждать за услуги, сколько карать за вины. Мнѣ стало жаль Царицы — вылѣчи старика Нагова.»

«Государь! прервалъ безбоязненно Строгоновъ, я избавилъ тебя отъ

раскаянія, а спарца отъ неминуемой смерти.»

«Что ты хочешь сказать,» спросилъ Іоаннъ болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ гнѣвомъ?

«То Государь, что вопреки твоего Царскаго повелѣнія, я не поставилъ заволокъ твоему тестю.»

«Максимъ, сказалъ Іоаннъ, подумавъ нѣсколько, въ первый разъ слышу ослушаніе моей волѣ и въ первый разъ — прощаю.... Да! прощаю, воскликнулъ онъ, вскочивъ съ постели. Даю Царское слово мое, что прощаю, повторилъ Іоаннъ отрывисто, какъ будто что-то душило его. — Іоаннъ не могъ произнесть ни слова болѣе, знакомъ показалъ Строгонову, чтобы онъ удалился. Грудь его воздымалась выше обыкновеннаго, потъ градомъ капился по лицу его, ноздри раздувались, какъ во время пущаго

гнѣва; но онъ не чувствовалъ ярости, которая жгла тогда его внутренность; какая-то благотворная отрада, какое-то сладкое упоеніе овладѣло всѣмъ бытіемъ его: дыханіе его сдѣлалось чище, свободнѣе — онъ воскликнулъ невольно: «*мнѣ что-то стало легче!*»

Максимъ Яковлевичъ поспѣшилъ въ храмъ Богоматери возблагодарить Господа за совершившееся предъ нимъ чудо; ибо, какъ истинный Христіанинъ, онъ относилъ единому Богу и свое мужество и смиреніе Іоанна. Со слезами и умиленіемъ добраго чада Церкви и Россіи, молился онъ объ обращеніи Іоанна на путь истинный для блага Отечества и для искупленія души его. Вышедъ изъ собора, онъ не зналъ, куда далѣе итти ему. Хотя лично не довѣрялъ онъ Іоанну въ проценіи; но какая-то сверхъ-

естественная сила твердила ему, что онъ безопасенъ.

Вечерніе лучи весенняго солнца горѣли на ярко вызолоченныхъ куполахъ Рождественскаго собора, изъ коихъ середній расписанъ былъ огненными зміями и трепетали на дивныхъ узорахъ стѣнъ онаго, сіявшихъ не менѣе золотомъ, серебромъ и драгоцѣнною лазорью. Болѣе всего дивили Строгонова кресты, изваянные тутъ на каждомъ кирпичѣ. Стоя на паперти, онъ могъ видѣть всю Слободу, внезапно сдѣлавшуюся городомъ. Въ разныхъ мѣстахъ возвышались каменныя церкви, домы и лавки. Слобода Опричная длинною улицею тянулась до самаго Успенскаго Монастыря, гдѣ незадолго еще Іоаннъ кощунствовалъ съ 300 изъ самыхъ злѣйшихъ и буйныхъ своихъ кромѣшниковъ, назвавъ ихъ братіею, а себя

Игумномъ, Князя Аѳанасія Вяземска-
го Келаремъ, а Малюту Скуратова
Парасклисіархомъ. Другая подобная
улица называлась купеческою. При-
дворные, Государственные, воинскіе
чиновники жили въ особыхъ домахъ
не вдалекѣ отъ Дворца, который у-
подоблялся замку ѳеодальнаго Баро-
на, бывъ окруженъ глубокимъ рвомъ
съ подземными мостами и высокимъ
валомъ съ острымъ тыномъ и сто-
рожевыми башнями. Красный цвѣтъ
стѣнъ и черная крыша, не смотря
на богатыя украшенія, придавали ему
какой-то мрачный, ужасный видъ,
уподобляли его скорѣе обширному
гробу, чѣмъ чертогамъ Русскаго Ца-
ря въ увеселительной Слободѣ его.
Тамъ надъ краснымъ крыльцомъ воз-
вышался тотъ ужасный теремъ, ко-
торый былъ столь же пагубенъ для
жителей Слободы, какъ нѣкогда Діо-

нисіево ухо для заключенныхъ въ темницахъ Сиракузскихъ; ибо отсюда Іоаннъ видѣлъ все, что ни дѣлалось въ его столицѣ (1). По стран-

---

(1) Съ достовѣрностію можно полагать, что урочище, называемое *Царева гора*, есть то мѣсто, гдѣ былъ Дворецъ Іоанновъ, хотя не осталось тамъ ни какихъ признаковъ его существованія, и даже глубокіе рвы и высокіе валы изгладились до такой степени подъ строеніями и огородами, что, при самомъ пылкомъ воображеніи и тщательномъ обозрѣніи, не возможно сдѣлать по нимъ никакого заключенія. Послѣ сего можно подумать, что само Провидѣніе брало участіе въ истребленіи памяти о существованіи сего памятника величайшаго бѣдствія Россіи; тогда, какъ многіе другіе несравненно маловажнѣе и нѣсколькими вѣками старѣе онаго — сохранились въ цѣлости.

Успенскій дѣвичій монастырь приходитъ также въ разрушеніе и угрожаетъ Археологіи уничтоженіемъ послѣднихъ историческихъ слѣдовъ. Отъ временъ Грознаго остались только два мѣстныхъ образа и сѣверныя двери. Образъ Іисуса Христа высокой Италіянской живописи, а Божіей матери древней Греческой. На первомъ оплечья золо-

ной ли прихоти Царя, или онъ не хотѣлъ испортить рва, только ходъ изъ Дворца въ соборъ былъ сдѣланъ подъ землею, и такъ глубоко, что не былъ ни сколько замѣтенъ на поверхности.

Спрогоновъ долго бы остался, можетъ быть, на паперти, предавшись мечтамъ и размышленію, не смотря на сумракъ, начинавшій скрывать предметы отъ глазъ, еслибъ не выведенъ былъ изъ онаго вбѣжавшимъ Аввакумомъ.

«Максимъ, сказалъ онъ поспѣшно, оглядываясь во всѣ стороны, что зазѣвался, убирайся-ка отсюда, покуда цѣлъ....»

«Я на все готовъ, отвѣчалъ равно-

тыя, а ризы на обоихъ украшены драгоцѣнными каменьями. Двери желѣзныя съ прекрасными золотыми арабесками одинаковой работы съ дверями Московскаго Благовѣщенскаго Собора.

душно Строгоновъ, но безъ Царскаго Указа, самъ знаешь, не могу выѣхать изъ Слободы.»

«Какъ вскричалъ Аввакумъ, развѣ Черемисиновъ не объявилъ тебѣ приказанія Царя ѣхать въ Москву и приготовить Кольца къ отправкѣ?»

«Нѣтъ,» отвѣчалъ Строгоновъ.

«Чего добраго, Максимъ, продолжалъ шутъ, улыбаясь, не обошелъ ли ты ужъ и его, какъ обаялъ кума Ванюшу. Съ тѣхъ поръ, какъ погостилъ ты въ опочивальнѣ у насъ, ни на кого не огрызаемся, не осерчали и на Бѣльскаго, даромъ, что онъ задалъ намъ матъ съ пяти ходовъ.»

Строгоновъ перекрестился и сказалъ: «это дѣло Божіе, а не человѣческое. Помолимся Господу Богу, чтобъ Царь таковымъ навсегда остался.»

«Хорошо бы, Максимушка, кабы твоими устами да медъ пить, ужъ

я бы припряталъ подальше его костылекъ-то, а то теперь говори, да и оглядывайся, чтобъ не пырнулъ имъ тебя въ брюхо.... Что-то, право, не вѣрится! — ну, какъ очнется по старому, за тебя перваго вѣдь примемся — у насъ съ куманькомъ такой обычай, не прогнѣвайся: не забылъ чай ты Адашевыхъ, да Сильвеспра....»

Приближеніе Черемисинова остановило словохотнаго расказщика. Любимый Стольникъ Царскій объявилъ Строгонову Государеву волю, чтобъ онъ немедленно возвратился въ Москву и ждалъ его прибытія — для отправленія посла Ермакова съ Царскою милостію.

И дѣйствительно, на третій день послѣ сего, Столица Русская была

обрадована возвращеніемъ Царя — Царя добраго, милостиваго....

Отслушавъ торжественно божественное служеніе въ Успенскомъ Соборѣ, Государь приказалъ пѣть напутственный молебенъ храбрымъ гостямъ Сибирскимъ. Послѣ сего призвалъ ихъ въ Посольскую палату и, наградивъ каждаго деньгами, сукнами, вручилъ Кольцу изъ собственныхъ рукъ отвѣтственную грамоту Ермаку Тимофеевичу.

«Отправь, сказалъ Іоаннъ съ особенною милостію Кольцу, мое спасибо всѣмъ молодцамъ Атаманамъ и козакамъ нашимъ; отвези имъ вѣрно мои награды и скажи, что, если будутъ продолжать службу свою столь же усердно, то ни Царь, ни Государство ихъ не забудутъ, хотябъ зашли они на край свѣта. А честному нашему Князю Сибирскому Ерма-

ку Тимофеевичу посылаемъ шубу съ плеча нашего, кубокъ, изъ котораго пили за великое дѣло его и два панцыря — да сохранитъ Господь подъ бранею сею его здравіе на долго — для пользы и славы отечества. Извѣсти товарищей своихъ, что въ слѣдъ за тобою отправится Воевода съ достаточною силою для удержанія завоеваній нашихъ.»

Кольцо кинулся со слезами лобызать руку Монарха; вдругъ изъ среды придворныхъ, когда менѣе всего ожидали, раздался звонкій голосъ Аввакума:

«Не забудь-ста, куманекъ, заказать новому Князю Сибирскому, чтобъ подослалъ намъ поскорѣе десятка два медвѣжатъ изъ его медвѣжья Царства. Вѣдь не всѣ же трусы перевелись у тебя.... А можъ пригодятся и на самаго ставленика. Попавъ

въ Князья, шого и смотри — забудетъ, что былъ разбойникомъ. Захочетъ и понѣжиться. Чего добиваться ему больше?»

Къ общему всѣхъ удивленію, Іоаннъ весьма равнодушно перенесъ дерзкую шутку Аввакума и будто вслушавшись только въ послѣднія слова его, отвѣчалъ насмѣшливо:

«Заиграла чистая Княжеская кровь.... Эти потомки Удѣльныхъ Князей, думаютъ, что они одни созданы быть Князьями. Хорошо бы, право, было Царство Русское — съ Князьями Гвоздевыми, Алёнкиными, Курбскими, Бѣльскими.... Нѣтъ, куманекъ, сказалъ онъ громче и рѣже обыкновеннаго, какъ бы желая, чтобъ всѣ его слышали: «Княжество Ермаку не въ позоръ, казачество его не въ укоръ. Лучше родиться пастухомъ, да дѣлами честными добыть себѣ Княже-

ство, чѣмъ считать родъ свой отъ Князей Ярославскихъ, Черниговскихъ и угодить въ скоморохи или въ предапели» . . .

Царь умолкъ: не слышно было и голоса Аввакума, всѣ присутствовавшіе въ тишинѣ и съ благоговѣніемъ низко поклонились Государю и пошли за роскошную трапезу, коею угощалъ Царь на отпускѣ Кольца съ товарищами.

ГЛАВА III.

Обратный путь Кольца въ Сибирь. — Новые блистательные подвиги Ермака. — Плѣненіе Маметкула. — Распространеніе владычества Россіи до хладныхъ пустынь Обскихъ и непроходимыхъ лѣсовъ Нелымскихъ. — Ермакъ возвращается въ Искеръ побѣдителемъ. — Здѣсь ожидаетъ его Кольцо съ царскими милостями и наградами. — Восторгъ козаковъ. — Радость и веселіе увеличиваются прибытіемъ въ Искеръ Князя Болховскаго, съ 500 Стрѣльцовъ.

Можно повѣрить, что Кольцо съ козаками своими не терялъ времени въ дорогѣ, поспѣшая обрадовать Ермака и храбрыхъ товарищей своихъ Царскою милостію; но необъятныя пространства, раздѣлявшія столицу

Русскую отъ Сибирской, при всѣхъ пособіяхъ, которыя встрѣчали они въ областяхъ Русскихъ по Указу Царскому, а въ Сибири отъ людей Строгоновскихъ, не смотря даже на то, что въ нынѣшній разъ они не останавливались отъ неизвѣстности пути, — поставляли имъ такія препоны, которыхъ ни какая человѣческая сила не въ состояніи была преодолѣть. Кольцо, чтобъ ускорить приходъ свой въ Искеръ, не воспользовался дозволеніемъ Государя приглашать на возвратномъ пути охотниковъ для переселенія въ новый, богатый край Тобола и даже не заѣхалъ на Донъ, какъ ни призывало его туда сердце, и какъ ни хотѣлось козакамъ взглянуть на пепелище Раздоръ и на вновь возникшій вмѣсто онаго городъ Черкаскъ.

Оставимъ Кольцо поспѣшать въ

Искеръ, и взглянемъ, что случилось тамъ во время продолжительнаго ихъ отсутствія.

Первымъ и блистательнѣйшимъ подвигомъ Завоевателей Сибири при началѣ весны былъ походъ на Вагай, гдѣ, по извѣщенію Мурзы Сенбахты-Тагина, явился снова дерзкій Мамет-кулъ съ многочисленною толпою. Ермаку Тимофеевичу весьма желалось захватить его живаго, дабы, избавясь отъ сего врага неутомимаго, получить вмѣстѣ съ тѣмъ большее вліяніе на Татаръ, ему весьма преданныхъ. Предпріятіе сіе требовало болѣе скорости и тайны, нежели силы, а потому Ермакъ избралъ шестьдесятъ удальцевъ подъ начальствомъ Грозы и съ чрезвычайною скрытностію отправилъ ихъ ночью по Иртышу въ самой легкой лодкѣ.

На восходѣ солнца удальцы наши

приблизились къ устью Вагая и приваливъ къ берегу, пустились пѣшкомъ къ мѣсту кочевья Маметкулова. Юрты его расположены были на высокомъ берегу рѣки, имѣя съ двухъ сторонъ предъ собою открытый лугъ. Нужно было сдѣлать большой обходъ, чтобъ приблизиться отъ лѣсу, который примыкалъ къ нимъ только съ противуположной стороны. Отсюда козаки могли хорошо высмотрѣть своего непріятеля, не бывъ имъ замѣчены и расположить заранѣе свои дѣйствія, необходимыя по ночной темнотѣ.

Когда въ аулѣ всё затихло, Гроза подалъ знакъ начинать дѣло. Весьма счастливо миновалъ онъ нѣсколько кибитокъ, оставивъ у входа каждой по два козака, съ приказаніемъ не выпускать никого изъ оныхъ. Уже оставалось недалеко до ставки Царе-

вича, и по данному приказанію Грозы козаки забѣгали вокругъ, дабы со всѣхъ сторонъ дружно грянуть на нее, какъ, къ неописанной досадѣ, нѣсколько козаковъ, въ томъ числѣ и самъ предводитель попали въ глубокій ровъ, который они не усмотрѣли и при паденіи одна фузея выпалила. Выстрѣлъ встревожилъ весь аулъ; Татары выбѣжали съ саблями и кинжалами, и бросились рѣзаться съ козаками. Грозѣ стоило не малаго труда выбраться на крутизну и приблизиться къ Маметкулу, который, какъ раздраженный левъ, уничтожалъ всѣ покушенія козаковъ обезоружить его. Уже нѣсколько смѣльчаковъ сдѣлались жертвою неимовѣрнаго его искусства и храбрости. Козаки рѣшились отмстить за кровь своихъ товарищей, какъ Гроза, проложа себѣ путь сквозь толпу Та-

таръ, удержалъ ихъ гибельный напискъ, — и самъ пошелъ на Мамет-кула:

» Ужасный видъ! Они сразились!
Ихъ сабли молніей блеснятъ,
Удары тяжкіе творятъ
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Опъ вопля ихъ дубравы воютъ;
Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплется потъ, какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце страшно бьется,
И ребра обоихъ трещатъ:
То сей, то оный на бокъ гнется;
Крушится, и — Гроза сломилъ!
Ты мой теперь! онъ возопилъ: (1)

«Твой, отвѣчалъ Маметкулъ, и клянусь великимъ Пророкомъ, что ты потъ же дерзновенный яуръ, котораго сильную мышцу испытала я при Чувашскомъ мысу.

---

(1) Ермакъ, соч. И. И. Дмитріева.

«Разчитаемся послѣ,» сказалъ Гроза и, обезоруживъ его совершенно, приставилъ четырехъ надежныхъ козаковъ смотрѣть за нимъ.

Гроза, не теряя времени, бросился на помощь къ другимъ товарищамъ и на разсвѣтѣ дня въ цѣломъ станѣ Маметкуловомъ не осталось ни одного Татарина съ оружіемъ въ рукахъ.

Съ честію предавъ землѣ тѣла шести убитыхъ товарищей, а для раненыхъ сдѣлавъ носилки, Гроза тотчасъ же предпринялъ обратный путь съ знаменитымъ своимъ плѣнникомъ.

Ермакъ крайне былъ обрадованъ успѣхомъ сего предпріятія, съ торжествомъ встрѣтилъ побѣдителей, чествилъ и ласкалъ Маметкула, видя въ немъ важный залогъ въ случаѣ перемѣны счастія въ войнѣ или при

мирѣ съ Кучумомъ. Узнавъ вскорѣ потомъ чрезъ лазутчиковъ, что изгнанный Царь сей, пораженный несчастіемъ Маметкула и измѣною любимаго своего вельможи Карачи, скитается въ степяхъ Ишимскихъ, онъ предпринялъ покореніе странъ, лежащихъ на Сѣверъ.

Долго колебался Ермакъ Тимоѳеевичь въ избраніи начальника для охраненія Искера во время своего отсутствія. Грозу весьма хотѣлось ему взять съ собою, а Мещеряку, не смотря на особенную его къ себѣ близость, какое-то непонятное чувство не допускало сдѣлать столь великаго довѣрія. Наконецъ благоразуміе побѣдило пристрастіе, и Гроза оставленъ съ небольшею дружиною для охраненія столицы и знатнаго плѣнника. Должно думать, что Мещерякъ имѣлъ тайные виды на сіе по-

ручение, ибо онъ не могъ скрыть своей досады, когда узналъ о предпочтеніи себѣ Грозы и повторилъ въ душѣ клятву отмстить за сіе новое разрушеніе его честолюбивыхъ намѣреній.

Вѣсть о плѣненіи Мамепкула разрушила послѣднюю надежду Татаръ: они до самаго устья Аримдзянки встрѣчали съ подобострастіемъ своихъ побѣдителей. Здѣсь только большая толпа осмѣлилась оказать сопротивленіе, засѣвъ въ крѣпкій острогъ. Козаки взяли оный приступомъ и повѣсивъ или разстрѣлявъ старшинъ, навели новый ужасъ на прочіе улусы. Нынѣшнія волости Нацинская, Карбинская, Туртасская поспѣшили присягать на подданство Россіи и несли безъ принужденія дань, которою обложилъ ихъ Ермакъ. Далѣе начинались юрты Остяковъ и Кондійскихъ

Вогуличей. Могущественный Князь ихъ, Демьянъ, надѣясь на неприступное положеніе своей крѣпости, возвышавшейся на каменномъ утесѣ Иртыша, и на двѣ тысячи своихъ воиновъ, а болѣе всего на своего идола, при обладаніи коимъ Остяки считали себя неодолимыми, отвергнулъ всѣ мирныя предложенія козаковъ. Ермакъ Тимоѳеевичь вынужденнымъ нашелся приступить къ силѣ, но жалѣя товарищей, надѣялся стрѣльбою изъ пушекъ привесть ихъ къ послушанію. Два дня козаки громили Демьяновъ городокъ, разрушили передовую стѣну, били много у нихъ людей, но Демьянъ не покорялся. Уркунду, усматривая гибель земляковъ своихъ отъ дальнѣйшаго упрямства, рѣшился спасти ихъ — похищеніемъ идола. Онъ былъ впущенъ безъ затрудненія и даже съ радостію въ

крѣпость, но при всемъ стараніи долго не могъ выполнить своего намѣренія, потому что драгоцѣнный идолъ денно и нощно окруженъ былъ большою толпою Остяковъ. Они пили воду изъ чаши, въ которую онъ былъ опущенъ — укрѣпляясь тѣмъ въ мужествѣ и терпѣніи, и курили безпрерывно предъ нимъ сѣру и масло, а кудесники по онымъ предсказывали будущую судьбу каждаго. По мѣрѣ усугубленія опасности, усугублялись жертвы и моленія Остяковъ къ ихъ золотому божеству, которое, по преданію старшинъ, перешло къ нимъ изъ Кіева, во время Владимірова крещенія. Всѣ ждали отъ него чуда, и — дождались. Въ полночь, когда отъ мѣткихъ выстрѣловъ козацкихъ, сорвало крышку съ храма, гдѣ сохранялся кумиръ и всѣ въ страхѣ сбѣжались и пали предъ

нимъ на колѣна, вдругъ изъ жертвенныхъ чаръ раздался ужасный трескъ и громъ, засверкала молнія, заколебалась земля и черный дымъ наполнилъ воздухъ. Когда, до смерти испуганные Остяки, нѣсколько опомнились и оглянулись, то, къ величайшему ужасу своему усмотрѣли, что кумира ихъ не было на своемъ мѣстѣ — онъ исчезъ внезапу. Паническій страхъ овладѣлъ самимъ Демьяномъ: забравъ семейства свои, Остяки обратились въ бѣгство, — признавая въ томъ волю своего божества. Отбѣжавъ довольно далеко, они остановились для отдыха; тогда главный изъ жрецовъ увѣрялъ Князя Демьяна, что онъ видѣлъ своими глазами, какъ идолъ сѣлъ верхомъ на лучь молніи и облокотясь на черное облако — поднялся на небо. А по просту — чудо сіе произошло не отъ чего инаго, какъ

отъ нѣсколькихъ горстей зелія, подсыпаннаго въ курильницы проворнымъ Уркунду, который и похитилъ драгоцѣнный идолъ въ минуты всеобщаю смятенія и ужаса. Онъ немедленно далъ знать козакамъ объ оставленіи жителями городка, который они тотчасъ и заняли.

Однако Ермакъ Тимоѳеевичь не долго оставался здѣсь, — онъ поплылъ далѣе по Иртышу. Въ Цынгальской волости, гдѣ величественная рѣка сія, стѣсняемая горами, имѣетъ узкое и быстрое теченіе, собралось великое множество вооруженныхъ людей: одинъ выстрѣлъ въ нихъ проложилъ безпрепятственный путь козакамъ къ Нарымскому городку. Здѣсь нашли они однѣхъ женъ съ дѣтьми, ожидавшихъ неминуемой смерти. Ермакъ, успокоивъ ихъ и обласкавъ, отпустилъ безпрепятственно къ сво-

имъ отцамъ и мужьямъ, которые, бывъ побѣждены симъ неизвѣстнымъ между варварами великодушіемъ болѣе, чѣмъ самымъ страхомъ, не замедлили явиться къ нему съ данью.

Покоривъ волость Тарханскую, козаки вступили въ улусы знатнѣйшаго Остяцкаго Князя Самара, который, соединясь съ осьмью Князьями, ждалъ козаковъ рѣшить судьбу всей древней Югорской земли. Увѣдомясь о великомъ ихъ ополченіи, Ермакъ не рѣшился дѣйствовать открытою силою, а разослалъ лазутчиковъ наблюдать за дѣйствіями непріятеля. Лишь только извѣстили они объ его безпечности, какъ, взявъ съ собою всѣхъ молодцовъ, Ермакъ напалъ при разсвѣтѣ на непріятельскій станъ, погруженный въ глубокій сонъ. Надменный Самаръ первый палъ отъ руки козацкаго вождя, вой-

ско не долго противилось и предалось бѣгству, а жители обязались платить ясакъ Россіи.

Близъ устья Иртыша въ Бѣлогорской волости козаки встрѣтили еще сильное сопротивленіе отъ Остяковъ, покланявшихся *Великой богинѣ*, которая сидѣла нагая на стулѣ вмѣстѣ съ сыномъ, принимая дары отъ жителей. *Дѣло сіе было* бы весьма кровопролитно, если бъ благоразумная богиня не велѣла скоро Остякамъ схоронить себя отъ козаковъ и всѣмъ разбѣжаться.

Завоевавъ на Оби главный Остякскій городъ Назымъ и многія другія крѣпости по берегамъ сей славной рѣки, плѣнивъ ихъ Князя и горестно оплакавъ потерю храбраго сподвижника, Атамана Никиту Пана, убитаго на приступѣ вмѣстѣ съ нѣкото-

рыми изъ лучшихъ козаковъ, Ермакъ не хотѣлъ итти далѣе. Хладныя пустыни, состоящія изъ топкихъ болотъ и зыбучихъ тундръ, не оживленныя и знойными лучами лѣтняго солнца, пустыни, представляющія образъ ужаснаго кладбища природы, охладили жаръ къ завоеванію въ сихъ безжизненныхъ странахъ нашихъ героевъ. Поставивъ Князя Остякскаго Алача главою надъ Обскими юртами, Ермакъ тѣмъ же путемъ благополучно возвратился въ Сибирскую столицу, чествимый своими данниками, какъ побѣдитель и владыка; вездѣ съ изъявленіями рабольпства встрѣчали и провожали его, какъ мужа грозы и доблести сверхъестественной. Для большаго впечатлѣнія на воображеніе и глаза покоренныхъ народовъ, козаки плыли съ воинскою музыкою и выходи-

ли на берегъ всегда въ богатѣйшихъ праздничныхъ своихъ кафтанахъ.

Найдя въ Искерѣ всё тихо, спокойно, неутомимый Ермакъ пустился рѣкою Тавдою въ землю Вогуличей, дабы къ господству Россіи, владѣвшей уже отъ предѣловъ Березовскихъ до береговъ Тобола, пріобщить страну Кондійскую, доколѣ мало извѣстную, хотя давно именуемую въ титулѣ Московскихъ Самодержцевъ.

Не далеко отъ устья Тавды господствовали два сильные Князя Тартарскіе, Лабутанъ и Печенѣгъ. Они собрали многочисленныя толпы для защиты своихъ владѣній, дрались отчаянно; но не могли долго противиться храбрости и искусству нашихъ витязей. Слѣдствіемъ сей кровопролитной побѣды было мирное подданство Вогуличей Кошуцкой и Тарабинской волостей, которыя без-

прекословно дали обложенный на нихъ ясакъ. Мирные дикари сіи составляли родъ республики, не имѣя ни Князей, ни Властителей, а прибѣгая, единственно для разбирательства ссоръ и тяжебъ, къ волхвамъ своимъ.

Умноживъ такимъ образомъ данниковъ даже въ древней землѣ Югорской, Ермакъ отъ непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ Пелымскихъ съ торжествомъ возвратился въ Искеръ — принять за славные труды отличную награду.

Здѣсь ожидалъ его Кольцо съ Государевымъ жалованьемъ. Козаки немедленно собраны были на Майданъ для полученія онаго и выслушанія Царской грамоты. Громогласныя, единодушныя восклицанія ихъ заглушали неоднократно чтеніе. Въ особенности козаки приведены были въ неописанный восторгъ, когда услышали, что

признательный Царь наименовалъ ихъ вождя Княземъ Сибирскимъ и оставлялъ въ его распоряженіи и начальствованіи завоеванное имъ царство. День сей былъ, конечно, самымъ торжественнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ для нашихъ героевъ. Они испили всю сладость признательности Царя къ службѣ честной и полезной, они забыли великіе труды свои и жертвы, ожили новою жизнію, новымъ рвеніемъ къ важнѣйшимъ предпріятіямъ. Вотъ чувства, вотъ дѣйствіе, которое производитъ всегда справедливость Монарха!

Радость и веселіе въ Искерѣ увеличилось несравненно прибытіемъ туда вскорѣ пяти сотъ Стрѣльцовъ подъ начальствомъ Воеводы Князя Семена Дмитріевича Болховскаго и Головы Ивана Глухова. Козаки дарили дорогихъ гостей своихъ соболями и угоща-

ли со всею возможною роскошью. Они мечтали, что ничто въ свѣтѣ не могло болѣе измѣнить ихъ счастія и могущества; но Провидѣніе, испытывавшее мужество и постоянство ихъ въ минуты бѣдствій, хотѣло, казалось, поколебать твердость Героевъ, когда они были на верху благоденствія и славы!

ГЛАВА IV.

Начало бѣдствій. — Болѣзни. — Голодъ. — Смерть Воеводы Болховскаго. — Зло прекращается съ весною. — Отправленіе Грозы въ Москву за новымъ пособіемъ. — Новое коварство Мещеряка. — Посольство отъ Карачи. — Приходъ каравана. — Гибель Кольца. — Отчаянное положеніе крѣпости. — Возстаніе всѣхъ покоренныхъ народовъ. — Удачное предпріятіе. — Новые преступные замыслы Мещеряка.

Конечно, одно упованіе на Господа, одна вѣра могла поддержать Ермака, чтобъ не упасть духомъ, чтобъ общее уныніе не коснулось его сердца: столько горестей, золъ, бѣдствій постигло его въ продолженіе наступив-

шей, вскорѣ по прибытіи Стрѣльцовъ, бурной, ненастной зимы. Болѣзни, голодъ, негодованіе, ропотъ, наконецъ смерть самого Князя Болховскаго и большей половины его людей — совокупились, казалось, вмѣстѣ, чтобъ привесть въ отчаяніе или по крайней мѣрѣ истерзать его боязнію — упрапить плодъ своихъ трудовъ, обмануть надежду Царя и Россіи.

Благотворное вліяніе весны прекратило сіи бѣдствія, возстановивъ изнуренныя силы больныхъ и давъ возможность Ермаку получить съѣстные припасы въ изобиліи; но онъ съ ужасомъ видѣлъ слабость свою и невозможность обойтись безъ сильнѣйшаго вспоможенія Царя — необходимаго не только для дальнѣйшихъ завоеваній, но и для удержанія всего завоеваннаго. Съ сею просьбою Князь

Сибирскій рѣшился отправить въ Москву Атамана Грозу, надѣясь на его умъ, скромность и усердіе къ общему дѣлу. Онъ велѣлъ его позвать къ себѣ.

«Владиміръ!» сказалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, «я хочу отправить тебя въ Москву.»

«Воля твоя, Князь,» отвѣчалъ Гроза, «для меня священна, я на всё готовъ, куда пошлешь, всё выполню, какъ съумѣю. Позволь только доложить себѣ, что кажется теперь не время тебѣ ослаблять себя ни однимъ козакомъ, особенно когда у тебя на рукахъ еще Маметкулъ.»

«Я и его хочу послать съ тобою къ Царю Іоанну Васильевичу. Такой подарокъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ соболей понравится при Дворѣ Московскомъ.»

«Это правда, Ермакъ Тимоѳеевичъ,

но я одного боюсь, что ты вынужденнымъ найдешся опидѣлить для сего еще болѣе провожатыхъ.»

«Будь покоенъ, любезный Владиміръ, у меня еще останется достаточно силы, чтобъ держать въ повиновеніи дикарей. До присылки новой рати, я не тронусь изъ Искера, а пущу друга Мещеряка кататься по Ирпышу, да собирать ясакъ и припасы.»

«Не намъ учить тебя,» сказалъ Гроза съ чувствомъ, «но какъ отца роднова прошу тебя изъ милости,— не очень довѣряться Атаману Мещеряку....»

«Владиміръ!» прервалъ его Князь Сибирскій, «ты знаешь лучше всякаго, что я не люблю ни обвинять, ни подозрѣвать кого либо по напрасну; а если ты можешь показать что ни есть важнаго на Мещеряка,

то для чего не объявляешь на Майданѣ, я не дамъ пощады. . . .»

«Коли бы сердце могло говорить,» произнесъ Гроза со слезами, «то оно высказало бы тебѣ всю тоску и страхъ, когда вижу тебя съ Мещерякомъ вмѣстѣ... Вспомни, отецъ мой, предсказанія Шамана? . . .»

«Ты слишкомъ суевѣренъ и трусливъ изъ любви ко мнѣ,» замѣтилъ Ермакъ Тимоѳеевичь, съ усмѣшкою. «Пророчество Уркунду не касалось Мещеряка.»

«Не въ доносъ хочу сказать тебѣ, Ермакъ Тимоѳеевичь, что Иванъ Ивановичь готовится остеречь тебя на счетъ частыхъ переговоровъ Мещеряка съ нашимъ плѣнникомъ. Вѣдаю, что ты не охочь подслушивать, но если бъ тебѣ угодно было сего дня вечеркомъ спрятаться въ хатѣ Ма-

меткула, но, можетъ быть, открылъ бы всю истину.»

«Почему же вы это думаете?» спросилъ Ермакъ съ безпокойствомъ и громче обыкновеннаго.

«Кажется, Атаманъ Кольцо давно за нимъ присматривая, вчера подслушалъ, какъ они сговаривались...»

Послышавшійся въ прилежавшей свѣтлицѣ необыкновенный стукъ, заставилъ разговаривающихъ обратиться туда; но они не нашли тамъ ни кого и положили, что онъ произошелъ отъ упавшей близъ дверей фузеи.

Князь Сибирскій, желая прекратить ненависть, существовавшую между лучшими друзьями своими, рѣшился воспользоваться предложеннымъ способомъ, хотя весьма для него непріятнымъ, бывъ увѣренъ въ ошибкѣ Грозы и Кольца.

Кольцо осторожно впустилъ его съ Грозою въ смежную хапу съ Маметкуловою, откуда могли они слышать каждое слово, не бывъ ни кѣмъ примѣченными.

Вопъ позднимъ вечеромъ точно съ большою скрытностію вошелъ Мещерякъ.

«Какія вѣсти?» спросилъ его таинственно Маметкулъ?

«Самыя добрыя, и будь увѣренъ, что Князь нашъ будетъ умѣть возблагодарить тебя,» отвѣчалъ Мещерякъ.

«Не думаю однако, чтобъ Карача былъ такъ упрямъ и золъ на васъ;» сказалъ Маметкулъ съ видомъ откровенности. «На силу могъ уломать его и вдолбить ему въ башку выгоды въ союзѣ съ вами, въ дружбѣ Ермака. Вождь вашъ, избавясь такого сильнаго врага, каковъ Мурза, мо-

жетъ разтворить всѣ врата въ Искеръ, а Карачѣ поможетъ отъ Нагаевъ.»

«Вѣспимо,» замѣтилъ Мещерякъ, какъ будто платясь чистосердечіемъ, «даве *подводчикъ его* проговорился, что имъ приходитъ зудко на Тарѣ отъ этихъ разбойниковъ. Кабы Князь нашъ далъ мнѣ человѣкъ 30-ть поудалѣе, я бы унялъ цѣлую орду: не посмѣли бы впередъ Нагайцы мѣшать караванамъ ходить къ намъ...»

«Да когда пришлетъ Карачаословъ къ вашему Князю?»

«Дня черезъ два, какъ подойдетъ поближе Бухарской караванъ, за которымъ ушелъ онъ со всею своею силою, чтобъ проводить къ намъ. Скажу правду Царевичь, я боялся, что намъ не дадутъ кончить дѣла. Храбрые Атаманы наши Кольцо и Гроза такіе подозрительные, что если бъ они

провѣдали про пересылки наши съ Карачею, но Богъ знаетъ, чтобы взвели... и предательство и измѣну.. А врядъ ли Мурза открытымъ образомъ повѣрилъ бы твоей искренности и совѣтамъ; пожалуй и обманулъ бы...»

«Кажется достаточно,» шепнулъ Ермакъ Тимоѳеевичь, пожавъ значительно руку Грозѣ, и вышелъ вонъ съ *такою же осторожностію*, съ какою вошелъ.

На завтра Князь Сибирскій объявилъ на кругу, что отправляетъ въ Москву Атамана Грозу съ плѣннымъ Царевичемъ, а Маметкула увѣрилъ всенародно въ Царской милости и безопасности.

«Знаешь ли,» сказалъ Кольцо, подумавъ нѣсколько, когда Гроза разсказывалъ ему съ удивленіемъ о разговорѣ Маметкула съ Мещерякомъ ими

подслушанномъ, «знаешь ли—мнѣ приходитъ въ голову, что они сговорились между собою обмануть насъ. Ты говоришь, что въ передней избѣ у Ермака, когда онъ призывалъ тебя къ себѣ, заступчала упавшая съ гвоздя фузея, а я завѣряю тебя, что ее нарочно сбросилъ Мещерякъ, чтобъ скрыть свой уходъ. Онъ васъ подслушалъ. Какъ теперь вижу его бѣжавшимъ въ эту пору... Поди теперь перевѣрь Ермака Тимоѳеевича.. »

«Коли морочатъ насъ,» замѣтилъ Гроза, то правда окажется скоро на дѣлѣ. Право, хотѣлось бы дождаться пословъ Карачиныхъ и каравана Бухарскаго,» прибавилъ онъ съ насмѣшкою.

И Гроза ихъ дождался: не прошло двухъ дней, какъ прибыли гонцы отъ богатаго Бухарскаго каравана съ извѣщеніемъ, что онъ приближается

къ Искеру на 200 верблюдахъ. Въ слѣдъ за симъ явился и самъ Карача съ богатыми дарами и предложеніемъ союза съ Княземъ Сибирскимъ. То и другое принято было въ столицѣ Сибирской съ большимъ удовольствіемъ и разлило давно забытое веселіе. Немедленно отправленъ былъ Кольцо съ 20 козаками и столькими же стрѣльцами на встрѣчу Киргизскихъ купцовъ, съ обнадеживаніемъ въ безопасности и покровительствѣ. Ермакъ Тимоѳеевичь надѣялся возобновить торговлю съ самыми отдаленными Азіатскими странами, издревле славными богатствомъ и купечествомъ, путемъ, давно проложеннымъ въ Сибирь во времена Чингисъ Хана и получать въ обмѣнъ на мягкую рухлядь плоды Восточнаго ремесла, нужные или пріятные для воиновъ, которые не берегли жизни; но любили наслаждать-

ся ею. (1) Атаману Мещеряку поручено было войти въ переговоръ съ Карачею и убѣдить его отдаться безусловно въ подданство Московскаго Царя, коего и Кучумъ былъ данникомъ.

Событія сіи ни сколько не воспрепятствовали отправленію Атамана Грозы съ Маметкуломъ въ Москву. Напротивъ, Ермакъ Тимоѳеевичь поспѣшалъ собрать ихъ поскорѣе, дабы они оставили Искеръ съ пріятными впечатлѣніями и могли смѣло засвидѣтельствовать ихъ предъ Царемъ, какъ самовидцы; могли сказать, что видѣли базаръ Сибирской столицы наполненнымъ сокровищами Востока; что сильнѣйшіе Владѣльцы Сибирскіе ищутъ подданства Царя Московскаго. Но, увы! не смотря

---

(1) Ист. Р. Г. Карам. т. IX. ст. 406.

на призракъ обратившагося счастія къ побѣдителямъ Сибири, не смотря на картину довольствія и даже роскоши, которая представлялась глазамъ Владиміра, какое-то ужасное предчувствіе тягостило его душу, какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что друзья его, Ермакъ и Кольцо, будутъ первые жертвою сего мнимаго благополучія. Грусть разлуки съ ними равнялась радостнымъ мечтамъ о свиданіи съ милою сердца, съ милыми родными и милою родиною Ему мечталось иногда — будто присутствіе его въ Искерѣ необходимо для спасенія его друзей и онъ рѣшался неоднократно просить объ увольненіи себя отъ посольства въ Москву. Но можетъ ли смертный измѣнить предопредѣленія рока? По крайней мѣрѣ, прощаясь съ Ермакомъ, Гроза дерзнулъ еще разъ

заклинать его не ввѣряться Мещеряку, а обнимая Кольцо въ послѣдній разъ, повторилъ тотъ же завѣтъ, какъ будто движимый невольнымъ побужденіемъ.

Къ несчастію предсказанія Грозы скоро оправдались. Еще онъ былъ не далеко, какъ Ермакъ оплакивалъ перваго своего друга, перваго Героя: Кольцо палъ жертвою гнусной измѣны Карачи и хитраго коварства Мещеряка. Карача, вкравшись въ довѣренность Князя Сибирскаго, убѣдилъ его послать сорокъ козаковъ для охраненія отъ Нагаевъ отшедшаго каравана. Въ первый разъ Ермакъ вспомнилъ завѣтъ Грозы и, вмѣсто Мещеряка, просимаго Мурзою настоятельно въ начальники сего отряда, отправилъ съ козаками Кольца, отправилъ, чтобъ пасть ему съ хра-

брыми, но легковѣрными товарищами подъ ножемъ коварнаго друга!

Въ безпечности ждали въ Искерѣ возвращенія Атамана Кольца изъ новаго похода съ честію и добычею, одинъ только Мещерякъ оказывалъ безпокойство и ожидалъ, казалось, чего-то противнаго. Онъ нѣсколько разъ ходилъ съ фузеею за Панинъ бугоръ, будто для охоты, высылалъ туда и Самуса. Уже смерклось, а Мещерякъ еще не возвращался въ городъ.

«Подождемъ не множко, говорилъ онъ Самусу, сидя подъ густымъ деревомъ. Прежде зари долженъ непремѣнно пригнать гонецъ отъ Карачи. Приложи-ка ухо къ землѣ.»

Самусъ и безъ приказанія давно уже лежалъ ухомъ у толстаго корня и прислушивался.

«Нѣтъ, не чуть ни одного копы-

та, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ; возится только не вдалекѣ лѣсной дѣдушка. Сойдемъ, говорю тебѣ, на долину, тамъ слышнѣе.»

Но Мещерякъ не отвѣчая, самъ прилегъ къ землѣ и съ восхищеніемъ воскликнулъ: «*Я тебя счастливѣе; послушай-ка какая топотня, словно музыка.*» Не успѣлъ онъ выговорить *слова сіи, какъ вдали показались три* всадника, несущіеся вихремъ къ Панину бугру.

«Гайда,» вскричалъ Татаринъ, поровнявшись съ козаками и соскочивъ съ лошади, спѣшилъ повѣдать Мещеряку радость свою о гибели Кольца, разсказалъ, какъ Карачаза лучилъ козаковъ въ свой Татарскій улусъ, какъ угостилъ дорогихъ гостей всѣмъ, что ни имѣлъ лучшаго, какъ ласкалъ ихъ и привѣтствовалъ, какъ уложилъ ихъ на мягкихъ коврахъ и вой-

локахъ — и перерѣзалъ, словно барановъ, всѣхъ до единаго безъ малѣйшаго сопротивленія во время сна крѣпкаго.

«Тебѣ, продолжалъ онъ, велѣлъ сказать Мурза, чтобъ ты съ Самусомъ и Чабаномъ убирались отсюда поскорѣе вонъ, да подалѣе; за послуги ваши жалуетъ онъ васъ живописомъ, а мы и безъ васъ обойдемся, завтра же ни единой душѣ въ Искерѣ не дадимъ пощады.»

«Больше ничего не велѣлъ сказать твой Мурза,» спросилъ Мещерякъ гонца съ примѣтнымъ негодованіемъ.

«Ничего, кажись; правда, онъ говорилъ, что дозволитъ вамъ захватить съ собою казны и пушнова изъ козацкой казны; да вы, чай, и безъ него догадаетесь.»

«Спасибо за милости,» проворчалъ сквозь зубы Мещерякъ, и кинулъ на

вѣстника такой нѣжный взглядъ, что всякой бы понялъ, что онъ его поблагодарилъ бы по свойски, еслибъ считалъ себя сильнѣе.

«А Остяки и Вогулы съ нами ли?» продолжалъ Мещерякъ, желая вывѣдать по больше отъ Татарина.

«Вѣстимо,» отвѣчалъ сей послѣдній. «Ихъ ведетъ съ полуночи Князь Демьянъ, а мы съ Татарами, да Нагаями, обступимъ крѣпость съ полудня. Прощай,» сказалъ онъ, садясь на коня, «я свое дѣло отправилъ, пеняй на себя, коли не послушаешь или замѣшкаешся.»

Мещерякъ долго не зналъ, что ему предпринять, — увидя себя обманутымъ злодѣемъ, себѣ подобнымъ, увидя всѣ преступные замыслы свои разрушенными въ одну минуту. Онъ пылалъ мщеніемъ.

«Ну, товарищъ, сбирайся-ка на ти-

хій Донъ,» сказалъ онъ Самусю съ адскою усмѣшкой, «да нагреби въ шаровары-то по больше казны Ермаковой, Карача не взыщетъ.»

«Вѣра неймется, Атаманъ,» сказалъ Самусь; «давно ль я своими ушами слышалъ, какъ проклятый Карача клялся своимъ прокляпымъ Пророкомъ, поставить тебя вмѣсто Ермака, коли пособишь уходить Кольца и выслать Грозу изъ Искера.»

«И исполняетъ по Татарски,» замѣтилъ Мещерякъ, скрежеща зубами. . .

«Лѣвую руку далъ бы по локоть отрубить, чтобъ правою воткнуть ножъ въ горло этаго бусорманина. . .»

«Молись Богу, прервалъ Мещерякъ въ какомъ-то неистовомъ изступленіи, «поправимся, поплатимся. . . Не ругаться же этому нехристю надъ козаками православными. . . Ошибет-

ся, думая, что они пропали безъ Кольца и Грозы. Въ Искерѣ останется еще Мещерякъ.»

Скорыми шагами вернулся онъ въ крѣпость и извѣстилъ Ермака Тимоѳеевича, какъ о гибели Атамана Кольца, такъ и о предстоящей опасности столицѣ, увѣряя, что онъ подслушалъ эти ужасныя вѣсти отъ двухъ Татаръ, переправлявшихся чрезъ Иртышъ.

Ермакъ не хотѣлъ вѣрить столь гнусной измѣнѣ; но опытность научила его не пренебрегать ни какими слухами. Онъ немедленно отдалъ приказъ запереть всѣ выходы въ крѣпость и зарядить пушки и фузеи, удвоилъ часовыхъ и былъ въ готовности отразить сильное непріятельское нападеніе.

Въ крѣпости водворилась такая тишина, что малѣйшее движеніе,

легчайшій шорохъ былъ слышанъ на дальнее разстояніе вокругъ. Передъ разсѣтомъ пронесся по Иртышу гулъ, подобный предтечи бурана.

«Вотъ и незваные гости къ намъ жалуютъ,» сказалъ Ермакъ Тимоѳеевичь, указывая на шумъ, и приказалъ прекратить самые оклики спороженыхъ, дабы болѣе убѣдить непріятеля въ безпечности крѣпостныхъ жителей. Съ крайнею осторожностію зажгли фитили и держа ихъ надъ затравками, подпускали ближе и ближе Татаръ, которыхъ несмѣтныя толпы разпилались по покатости, подобно морскимъ волнамъ, между тѣмъ какъ Остяки и Вогулы, въ видѣ чернаго тумана, подымались со дна пропасти отъ рѣчки Сибирки. Въ мгновеніе, когда тѣ и другіе хотѣли гаркнуть, чтобъ взлетѣть на валы крѣпости — грянулъ громъ, за-

колебалась земля подъ ногами ихъ и цѣлые ряды между ними исчезли. Осажденные готовы были повторить гибельный ударъ, но болѣе не настояло надобности — непріятель отхлынулъ съ ревомъ и спенаніемъ, подобно морскому приливу, оттолкнутому далеко въ Океанъ гранитными берегами новаго свѣта.

Съ разсвѣтомъ дня усмотрѣли черную дугу, облагавшую крѣпость съ одного берега Иртыша до другаго. По мѣрѣ прояснения предметовъ открылось, что непріятель расположился необозримыми обозами вокругъ Искера, въ намѣреніи взять крѣпость голодомъ. Ермакъ съ ужасомъ увидѣлъ всю опасность. Конечно онъ могъ бы дѣлать вылазки, но жалѣлъ своихъ людей малочисленныхъ, малыя пушки его не доставали до обоза. Всѣ сношенія прекратились какъ съ о-

крестными юртами, такъ и съ самыми отдаленнѣйшими, которыя въ одно время свергли съ себя минутное иго и вооружились противъ своихъ побѣдителей. Атаманъ Яковъ Михайловъ сдѣлался жертвою сего возстанія, бывъ захваченъ Остяками въ разъѣздѣ. Царство и подданные вдругъ исчезли: нѣсколько саженъ земли остались единственнымъ владѣніемъ въ Сибири завоевателей Сибири.

Ермакъ, изобрѣтая способы выйти изъ сего опаснаго положенія, — находилъ одно только средство возможнымъ: это сдѣлать отчаянный ударъ на станъ Карачи и — поразивъ его, привесть въ паническій страхъ варваровъ; но главное затрудненіе состояло въ томъ, что никто изъ козаковъ не зналъ его ставки.

Трудно представить радость, ко-

торую принесло въ стѣнахъ печальнаго Искера, неожиданное появленіе Шамана Уркунду. Казалось, въ образѣ его слетѣлъ съ нимъ Ангелъ утѣшитель; не было козака, даже Мещерякъ съ своими наперстниками, казалось, былъ ему радъ; всѣ толпились вокругъ его, всѣ спрашивали, какимъ чудомъ онъ упалъ съ неба, ибо непріятель никого доселѣ не допускалъ къ нимъ, и Уркунду принужденнымъ нашелся почти каждому повторять, что его отправилъ съ дороги Атаманъ Гроза.

Дѣйствительно, Гроза прислалъ Уркунду къ друзьямъ своимъ вмѣсто Ангела хранителя, зная его смѣшливость и неусыпность. Въ день гибели Кольца, ему стало такъ грустно, что онъ самъ бы вернулся къ нимъ, если бъ не имѣлъ на рукахъ своихъ Маметкула. Уже въ прибли-

женныхъ юртахъ узналъ Шаманъ о измѣнѣ Епанчи и о всеобщемъ возстаніи противъ козаковъ. По извѣстной смѣшливости своей онъ выспросилъ всѣ подробности, касающіяся до непріятельскаго положенія; а потому къ неописанной радости Ермака взялся проводить козаковъ въ станъ Карачи, который расположенъ былъ близъ Сауксанскаго мыса, въ пяти верстахъ отъ Искера.

Ермакъ остался блюсти столицу, а начальство надъ отчаянными удальцами поручилъ Атаману Мещеряку, которое тѣмъ было надежнѣе, чѣмъ болѣе пылалъ сей послѣдній личнымъ мщеніемъ къ Мурзѣ. Пріобщившись на канунѣ Святыхъ Таинъ, козаки ночью 12-го Іюня прокрались въ слѣдъ за своимъ неутомимымъ вожакомъ къ Сауксану по крутому берегу Иртыша — доселѣ присту-

ному однѣмъ воздушнымъ ласточкамъ, и дружно напали на сонныхъ Татаръ. Козаки плавали въ крови невѣрныхъ, двое сыновей Мурзы пали подъ ударами ихъ и самъ Карача едва спасся съ малымъ числомъ людей, бывъ преслѣдуемъ побѣдителями до самаго о[illegible]ра.

Съ первыми лучами солнца Татары, *увидя малочисленность козаковъ*, ободрились, и соединясь съ новыми силами, ударили на смѣльчаковъ со всѣхъ сторонъ. Но козаки успѣли уже засѣсть въ обозѣ и встрѣтили ихъ сильно ружейною стрѣльбою.

Въ это самое время прибѣгаетъ къ крѣпостнымъ воротамъ человѣкъ, обезображенный кровію и пылью и едва имѣвшій отъ усталости силы проговорить Ермаку Тимоѳеевичу, вышедшему къ нему на встрѣчу: «*покажись скорѣй на Паниномъ бугрѣ.*»

Сказавъ слова сіи, онъ упалъ безъ чувствъ и кровь хлынула изъ него носомъ и горломъ. То былъ Уркунду, поспѣшавшій, не смотря на паливший жаръ, принесть въ Искеръ спасительную вѣсть сію. Ермакъ, постигнувъ важность сей послуги, постигъ, что и потеря одной минуты могла быть невозвратима на вѣкъ, и оставивъ въ крѣпости однихъ часовыхъ, съ прочими бросился на показанное Шаманомъ мѣсто. И дѣйствительно, появленіе его на высотѣ сей и нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ для ободренія осажденныхъ въ обозѣ товарищей, навели такой страхъ на непріятеля, что Карача въ ужасѣ снявъ немедленно осаду, бѣжалъ за Ишимъ, а окрестныя юрты и улусы всѣ снова поддались Россіянамъ. Въ полдень побѣдители съ торжествомъ возвратились въ осво-

божденную свою столицу, имѣя снова и данниковъ и обширныя владѣнія.

Первою заботою вождя было навѣдаться о Шаманѣ Уркунду, дабы поблагодарить его за новую послугу, но его не могли нигдѣ найти.

Шумно праздновали козаки день, столь счастливо конченный. Пѣсни, звуки рожка и балалайки, радостный говоръ раздавались на Майданѣ до поздней поры. Прекрасный лѣтній вечеръ и свѣтлая ночь, располагали еще болѣе къ веселію. Одинъ только Мещерякъ, забившись въ темный уголъ съ Самусомъ, казались равнодушными и къ прелестямъ природы и къ соучастію во всеобщемъ торжествѣ.

Не подумайте однако, чтобъ они скучнѣе своихъ товарищей проводили свое время. Къ несчастію и зло-

дѣи имѣютъ свои наслажденія: они веселятся исчисленіемъ своихъ преступленій, какъ скупецъ пересматриваніемъ сокровищъ своихъ, забывая, что онѣ омыты слезами и кровію притѣсненныхъ ими бѣдняковъ.

«Ха, ха, ха! Не могу вспомнить безъ смѣха,» говорилъ Самусъ, «когда бухнулъ въ воду этотъ проклятый колдунъ. Пойдетъ, какъ ключь ко дну, подумалъ я, — анъ нѣтъ: два раза сплывалъ на верхъ, какъ обахмуренный судакъ, и ужъ я пришибъ его прикладомъ, да привязалъ камень на шею.»

«Да не подсмотрѣлъ ли тебя кто нибудь,» спросилъ его Мещерякъ съ безпокойствомъ. «Пожалуй съ Ермакомъ не раздѣлаешся и за эту некрещеную собаку.»

«Кому подсмотрѣть? Я одинъ ходилъ на сторожкѣ даве по валу, какъ

вы побѣжали съ Ермакомъ; глядь, анъ Шаманъ лежитъ на берегу, я окликнулъ, онъ не далъ голосу. Вотъ я сошелъ къ нему и учалъ его поворачивать съ боку на бокъ, а онъ не пошевельнется. Дайка вымою пріятеля, ха, ха, ха! подумалъ я, больно черенъ, и сполкнулъ въ Ирпышъ.»

«Знаешь ли, Самусь, что ты очень кстати позабавился надъ этою чучелою. Этого колдуна я боялся пуще всѣхъ: его одного не провелъ бы, какъ поддѣлъ Ермака съ обѣими его хипрыми головами — Кольцомъ и Грозою. Вздумали подслушивать насъ съ Мамепкуломъ, да сами чуть не попались въ яму — ха, ха, ха! коли бы не измѣнилъ Карача.»

«Будь доволенъ, что и одного покамѣстъ сбылъ съ рукъ.»

«Кабы ты видѣлъ, Самусь, кислую рожу Ермака, когда Карача учалъ со-

вѣтовать ему послать меня съ караваномъ. Постой, подумалъ онъ,— я поддѣну васъ — и сдѣлалъ то, изъ чего мы бились — послалъ Кольца на ножъ. Но этого еще мало. . .»

«Ужъ не затѣваешь ли ты еще чего ни есть добренькаго, Матвѣй Ѳедорычь?» спросилъ Самусь съ коварною улыбкой.

«Да, братъ, эта послѣдняя попытка. Коли не удастся, брошу всё. . . Хочу поторговаться съ Кучумомъ.»

«Смотри, Атаманъ, не дай промаха. Этотъ бусорманинъ проведетъ поглаже самаго Карачи; да и корыстн-то нѣтъ для него трудиться.»

«Какъ нѣтъ?»

«Да вѣдь онъ не поступится Искеромъ, хоть ты пятерыхъ Ермаковъ для него спустишь съ рукъ.»

«Увидимъ,» сказалъ въ полголоса Ме-

щерлкъ, какъ бы не желая повѣдать и лучшему своему другу тайныхъ, преступныхъ своихъ намѣреній.

ГЛАВА V.

Смерть Шамана. — Хладнокровный злодѣй. — Новыя завоеванія козаковъ. — Новые обманы. — Поискъ за караваномъ. — Обратный путь. — Остановка у Перекопи. — Худыя предзнаменованія. — Ужасныя преданія. — Предательство. — Смерть Ермака Тимоѳеевича.

Мещерякъ, казалось, обманулся въ своихъ разсчетахъ, полагая, что онъ сдѣлается для Ермака необходимѣе по смерти Кольца и удаленіи Грозы. Къ удивленію и крайней досадѣ онъ замѣтилъ, что Вождь сталъ какъ будто его уклоняться, сталъ чаще искать уединенія, болѣе бесѣдовать съ природою. Любимою прогулкою

Ермака былъ Чувашскій мысъ, гдѣ онъ просиживалъ по нѣскольку часовъ, наслаждаясь бореніемъ стихій и фантастическими изображеніями горъ, зданій, морей съ кораблями и тому подобными явленіями оптики, игривыми, обманчивыми какъ воображеніе поэта, которыми рисуется осенью въ Сибири небосклонъ отъ преломленія солнечныхъ лучей въ разныхъ туманахъ и облакахъ. Уже утренняя заря подернула пурпуромъ горизонтъ, рѣзкіе звуки рожковъ и пѣсенъ рѣдѣли и изнывали въ Искерѣ, а онъ всё сидѣлъ на крутизнѣ утеса и смотрѣлъ, какъ ярыя воды Иртыша, ударяясь о гранитные берега, грозили разрушеніемъ сей, вѣками скованной твердынѣ Зрѣлище сіе невольно пораждало мысли о тлѣнности и разрушеніи всего подлуннаго. Но вскорѣ неисповѣдимость и таинственность

предопредѣленія человѣка заняла всю его душу. Къ чему, думалъ онъ, всѣ труды наши, пожертвованія, усилія, когда не увѣрены мы въ единомъ часѣ своего существованія, когда со всѣмъ могуществомъ, при всемъ умствованіи человѣкъ не властенъ приподнять уголка завѣсы, скрывающей удѣлъ его, не можетъ отклонить даже руку гнусной измѣны... Да! измѣны! повторилъ онъ мысленно. Ужели предвѣщанія Шамана — неизмѣнны, ужели нельзя избѣжать ихъ ни чѣмъ?

Сѣдая волна съ необыкновенною силою разразилась о подножіе утеса, и нѣмой грохотъ, раздавшійся отъ сего удара, повторилъ въ ушахъ мечтателя ужасное *ничьмъ*. Въ тоже самое время волна падая, обнажила человѣческую голову, и въ мгновеніе скрылась съ нею въ пучину. Ермакъ

непричастенъ былъ суевѣрію, но невольно содрогнулся. Не дѣйствіе ли это, подумалъ онъ, разгоряченнаго воображенія? Но волна, поднявшаяся еще выше, открыла опять страшное привидѣніе и опять исчезла съ нимъ вмѣстѣ; роковое — *пищмъ*, повторилось еще явственнѣе въ ушахъ Ермака. Онъ усугублялъ свое вниманіе и при свѣтѣ перваго солнечнаго луча, вырвавшагося изъ-за противуположной горы — опличилъ черты своего оракула... Ермакъ отвратилъ лице отъ сего зрѣлища и глазамъ его представился Мещерякъ давно его отыскивавшій. При всемъ присутствіи духа — это неимовѣрное стеченіе случая привело въ невольный трепетъ и неустрашимаго вождя завоевателей Сибири Не извѣстно, что бы онъ предпринялъ, если бъ послышавшіяся пѣсни рыболововъ, безпечно

плывшихъ по Иртышу, не измѣнили мыслей его и намѣреній. Ермакъ Тимоѳеевичь подкликалъ ихъ къ себѣ и велѣлъ закинуть сѣть на томъ мѣстѣ, гдѣ показалось ему видѣніе. Ожиданія его исполнились: рыбаки выпащили мертвое тѣло Уркунду съ привѣшеннымъ на шею камнемъ. Онъ тутъ же приказалъ предать его землѣ и, не смотря на мнимую суровость свою и холодность — выронилъ горячую слезу на могилу добраго, честнаго Шамана. Ни малѣйшимъ измѣненіемъ въ лицѣ Мещерякъ не обнаружилъ тайны своего друга и съ хладнокровіемъ злодѣя разсуждалъ съ Ермакомъ о злодѣѣ, который посягнулъ на жизнь столь добродѣтельнаго, полезнаго человѣка!

Ермакъ, чувствуя слабость въ людяхъ, желалъ на сей разъ обойтись безъ преслѣдованія непріятеля, но

свѣдѣнія, полученныя имъ о старанiи Карачи возстановить многихъ сильныхъ владѣльцевъ, господствовавшихъ вверху Иртыша, вынудили его, поруча Искеръ Мещеряку, итти на восшокъ съ тремя стами воиновъ — въ страхъ варваровъ и для своей будущей безопасности. Милуя покорныхъ и карая противныхъ, онъ проникъ до рѣки Ишима, гдѣ начинаются голыя степи, не представлявшія, подобно топкимъ пустынямъ Обскимъ и непроходимымъ лѣсамъ Пелымскимъ, ни славы, ни корысти побѣдителямъ. Обложивъ данью Князя Бегиша и Еличая и могущественнаго старшину Сарчадской волости — наслѣдственнаго судію всѣхъ Тапарскихъ улусовъ, взявъ еще городъ Тапишканъ, Ермакъ возвратился въ Искеръ съ новыми трофеями и безъ большой потери. Онъ лишился

только пятерыхъ козаковъ въ жаркой схваткѣ, близъ дѣтья Ишима, съ свирѣпыми Турашинцами, которые доселѣ воспѣваютъ въ унылой своей пѣснѣ сей кровавый бой! *янымъ, янымъ бимь козакъ*, т. е. воины, воины, пять козаковъ.

Самусь, который участвовалъ, по вліянію Мещеряка, въ семъ послѣднемъ походѣ, спѣшилъ повѣдать своему патрону подробности онаго. Они долго разговаривали шопотомъ между собою, но когда нѣсколько ковшиковъ сиримбалу прибавило имъ смѣлости, то слова ихъ сдѣлались слышнѣе.

«Полно не ряхнулся ли съ ума нашъ *дядя*,» продолжалъ улыбаясь Самусь, «или не вздумалъ ли изъ козаковъ надѣлать схимниковъ. Пусть себѣ бы онъ ханжилъ... Кабы ты, Матвѣй Ѳедорычь, увидалъ Княжну,

что привозилъ къ нему Тебенскій Князь, у тебя бы разгорѣлись губки...»

«Что ты говоришь?» спросилъ съ любопытствомъ Мещерякъ?

«А то, что такой красавицы слыхомъ не слыхано, видомъ не видано. Глазки, словно сквозныя щелки, носикъ, какъ пуговка утонулъ въ подушечкахъ, въ красненькихъ щечкахъ, а разрумянена не хуже твоего мѣсяца...»

«Ай! да баляшникъ, а все не сказалъ, что вы сдѣлали съ прекрасной Княжной?»

«Вѣстимо что: чернецъ нашъ разцѣловалъ батьку, на дочку и не смотрѣлъ, и отпустилъ домой. Да и намъ подъ петлею заказалъ глазкомъ взглянуть, не только...»

«Ужъ я бы, не послушался...

«Посмотрѣлъ бы право, сказалъ Самусъ, улыбаясь, на удальство твое...»

«Мнѣ пришло въ мысль, прервалъ его Мещерякъ, коли Богъ потерпитъ грѣхамъ моимъ, то пожалуй я женюсь на твоей красавицѣ.»

«Чуръ меня взять въ дружки. . .»

«Шутки въ сторону, отвѣчалъ Атаманъ Матвѣй, а я бы на мѣстѣ Ермака не упустилъ сего случая породниться съ Сибиряками. . .»

«Авось и увидимъ твои хитрости и правду»

«Правда начнется тѣмъ, что Самусъ будетъ первымъ Атаманомъ и другомъ Воеводы Сибирскаго.

«Спасибо, а воля твоя, Матвѣй Ѳедоровичь, мнѣ Вѣра неймется, чтобъ Кучумъ сдержалъ слово. . . Выдумка твоя, куда какъ хитра. . .»

«Смотри, не забудь только взлѣсть на дерево и прибѣжать сюда поскорѣе.»

На завтра прискакалъ Киргизецъ отъ Бухарскаго каравана съ извѣстіемъ, что Кучумъ грозится разбить его, если дерзнетъ онъ слѣдовать въ Искеръ. Ермакъ Тимоѳеевичь приказалъ тотчасъ Мещеряку, выбравъ 50 молодцевъ, идти съ вожакомъ на встрѣчу дорогихъ гостей. Коварный Мещерякъ показалъ особенную готовность и усердіе въ исполненіи повелѣнія вождя, не смотря, что оно по-видимому разрушало всѣ его замыслы. Черезъ часъ онъ готовъ уже былъ отправиться въ походъ, какъ прискакалъ другой гонецъ отъ каравана съ увѣдомленіемъ, что Кучумъ собралъ большія силы въ степи Вагайской. Судьбѣ угодно было, казалось, отнять на сію минуту и малѣйшую прозорливость у мудраго и осторожнаго вождя завоевателей Сибири и вдох-

нуть въ него неприличную пылкость юноши. Ермакъ Тимоѳеевичь перемѣняетъ свое распоряженіе и рѣшается самъ идти для отысканія дерзкаго изгнанника и нанесенія ему послѣдняго удара. Онъ беретъ 300 козаковъ, а охраненіе столицы, по прежнему, ввѣряетъ Мещеряку.

Три дня блуждали козаки безъ остановки и отдыха по степямъ и горамъ, отыскивая караванъ и Кучума; но ни того, ни другаго не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ. Проводники утверждали, что безъ сомнѣнія купцы удалились далѣе въ степь. Ермакъ колебался, идти ли ему за ними, какъ нечаянный случай открылъ истину. Когда расположились козаки на ночлегъ, вождь ихъ по обыкновенію удалился искать уединенія. Подходя къ глубокому оврагу, слышитъ онъ звукъ оружія и кри-

ки отчаянія. Ермакъ ускоряетъ шаги свои, и если бъ замѣшкался минутою, то было бы уже поздно для спасенія храбраго Есаула Брязги, который отбивался отъ двухъ Татаръ, нападавшихъ на него съ большимъ ожесточеніемъ. Завидя Ермака, Татары оставили свою жертву и предались бѣгству. Бѣдный козакъ исходилъ кровію и едва выговоривъ: «Ермакъ Тимоѳеевичь, ты обманутъ, берегись Ме....» упалъ безъ чувствъ. Вождь, перевязавъ наскоро самыя опасныя раны, поспѣшилъ въ лагерь, чтобъ прислать ему нужную помощь. Но къ несчастію она была уже не дѣйствительна; Брязга скоро испустилъ послѣдній духъ и изъ отрывистыхъ словъ его едва могли понять, что онъ, подозрѣвая измѣнниковъ, сталъ ихъ преслѣдовать, дабы открыть предательство. Къ несчастію зло-

дѣи усмотрѣли его убѣжище и кинулись всѣ трое убить его...

При всемъ стараніи Ермакъ Тимоѳеевичь никакъ не могъ узнать, кто былъ третьимъ товарищемъ Киргизцевъ вожаковъ, скрывшихся съ тѣхъ самыхъ поръ и обнаружившихъ тѣмъ ясно свою измѣну. Смѣтливый Самусь, нанесши первый смертные удары Брязгѣ, поспѣшилъ вернуться въ лагерь, дабы не подать на себя подозрѣнія въ случаѣ, если откроется убійство. Ермакъ вспомнилъ послѣднее слово, замершее въ устахъ храбраго козака, и невольный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Онъ не страшился смерти, идя всегда въ бояхъ первый ей на встрѣчу, но умереть измѣною, погибнуть смертію безславною — приводило его въ ужасъ, и онъ положилъ, по возвращеніи въ Искеръ, быть о-

спорожнѣе съ Мещерякомъ, наблюдать за всѣми его поступками. «Если бъ онъ искалъ моей смерти, разсуждалъ Герой Сибирскій, то онъ имѣлъ столько случаевъ погубить меня. Нѣтъ! въ злобѣ Мещеряка кроются другіе виды, другія побужденія: онъ хочетъ со мною вмѣстѣ уничтожить всѣ труды наши, разрушить плоды побѣдъ нашихъ и изтребить даже память объ Ермакѣ. Увидимъ, успѣетъ ли? Господь, низпославшій свои знаменія для остереженія меня — умудритъ слабый умъ мой — избѣгнуть и сѣтей коварства и злобы.»

Успокоенный сими размышленіями, Ермакъ Тимоѳеевичь отдалъ приказаніе дружинѣ выступить въ обратный путь. Быстро понеслись вилязи наши внизъ по Иртышу на легкихъ ладьяхъ своихъ, презирая бурю, внезапу возникшую со всею же-

стокостію. Къ вечеру ненастье и дождь до такой степени усилились, что вождь нашелся вынужденнымъ приказать остановиться; но при всѣхъ усиліяхъ козаки долго не могли причалишь къ берегу. Сначала сѣдой бурунъ опбивалъ и угонялъ на средину рѣки то ту, то другую лодку, потомъ обрывались нѣсколько разъ самые крѣпкіе причалы или ломались деревья, къ коимъ они привязывались. Непріятности тѣмъ не кончились: не менѣе труда и хлопотъ стоило развесть огонь; наконецъ, когда полагали всѣ препятствія уничтоженными и надѣялись отдохнуть и успокоиться подъ непроницаемыми наметами — вдругъ, къ общему всѣхъ ужасу, сорвало съ шестовъ Атаманскую ставку налетѣвшимъ внезапу вихремъ и разорвало ее на мелкія лохмотья.

«Воля твоя, Ермакъ Тимоѳеевичь, сказалъ Грицко Коржъ, а быть бѣдѣ великой, коли мы отсюда не уберемся.»

«Ты говоришь, какъ будто впервые привелось намъ бороться съ невзгодами,» отвѣчалъ Ермакъ.

«Невзгоды дѣло Божіе, а здѣсь придется возиться съ шайтанами,» проворчалъ Коржъ.

«Что тебѣ пришло въ голову» спросилъ вождь...

«А то, Ермакъ Тимоѳеевичь, что мы пристали къ заколдованному мѣсту. Видишь ли ты этотъ оврагъ и знаешь ли, кѣмъ онъ выкопанъ?»

«Скажи пожалуй-ста,» отвѣчалъ Атаманъ съ улыбкою.

«Намъ бы всею дружиною было на годъ работы, а Концей однимъ перстомъ провелъ эту Перекопь.»

Рѣчь стараго Коржа возбудила

всеобщее любопытство. Козаки, не смотря на усталость и непогоду, высыпали изъ своихъ шатровъ и стали просить его, чтобъ онъ разсказалъ имъ про это чудо по-подробнѣе.

«Извольте, братцы, я васъ потѣшу,» сказалъ Коржъ, «только чуръ не пѣнять на меня, коли опъ моей сказки пуще бани небесной во всю ночь будетъ васъ бить лихоманка. Я далеко былъ отсюдова, да волосы дыбомъ встали, какъ разсказывалъ, бывало, покойный Уркунду Шаманычь.»

«Кажется, не время теперь, товарищъ, до сказокъ и прибаутокъ,» сказалъ Самусъ, боясь, чтобъ росказни веселаго Грицка Коржа не помѣшали въ самомъ дѣлѣ сну суевѣрныхъ козаковъ. Но Коржъ долженъ былъ выполнить всеобщее желаніе.

«Не далеко отсюда шорчитъ, словно козачья шапка, продолжалъ онъ, вы-

сокій курганъ, (1) Косымъ-Тура называемый, т. е. Дѣвичьимъ городищемъ. Не даромъ дано ему это имячко: въ немъ зарыты заживо 200 прекрасныхъ царевенъ, съ зарокомъ отъ Кощея безсмертнаго выручить себя десятью буйными головушками на каждую. Прокляпыя! ужъ по девяти молодцевъ сгубили, да поставили за себя, осталось по одной головушкѣ. Ночью выходятъ онѣ изъ алмазныхъ хатъ своихъ и бродятъ до пѣтуховъ, разрумяненныя и разбѣленныя, словно Московскія боярышни, въ шпофныхъ сарафанахъ и жемчужныхъ подвязкахъ; приманиваютъ вашу братью подлипалъ, то пѣсенками заунывными, такъ что ретивое и заходитъ, то плясками разговорными — ну,

(1) Сей бугоръ, вышиною въ 10 саженъ, доселѣ существуетъ и называется Русскими Царевымъ Городищемъ.

кто не вытерпитъ, да пропянетъ губы, съ того и голова прочь (1). Заколдовали прокляпыя и самый Иртышъ: запоздай только молодецъ на лодкѣ, такъ и прибьетъ къ ихъ берегу. Скоро перевели онѣ у Конця всѣхъ могучихъ богатырей, вотъ онъ и перерылъ перстомъ переволокъ(2) отъ одного заворота Иртыша до другова и впустилъ въ него рѣку съ заклятіемъ, чтобъ вѣдьмы за него не ходили въ его царство, докуда не выпьютъ всей воды изъ Перекопи. Вотъ ужъ мало и ее осталось, а колдуньи не смѣютъ носу показать за черту. Право, Ермакъ Тимофеевичь,

---

(1) Понятія Сибиряковъ о Сирехъ, доселѣ существующія.

(2) По сказанію *Ремезовскаго лѣтописца* перекопь сію сдѣлалъ Ермакъ въ три или четыре дня, т. е. отъ 1-го до 5-го Августа; но по всѣмъ вѣроятіямъ должно думать, что она вырыта во времена какого-то забытаго вѣка.

прикажи-ка, перенести станъ за перекопь — не такъ будетъ страшно.»

«Да насъ не прибивало къ берегу, напротивъ мы на силу приспали къ нему,» сказалъ Ермакъ съ веселою улыбкой, «стало быть намъ нечего бояться, колдуньи не свернутъ намъ головъ.»

Замѣчаніе сіе, сказанное кстати и съ насмѣшкою, не мало успокоило суевѣрныхъ козаковъ, кои начинали уже бояться быть вынужденными предаться сну, чувствуя большую къ оному наклонность, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, въ теченіе дня ими понесенныхъ. Въ большее успокоеніе дружины, Ермакъ снялъ часовыхъ и приказалъ всѣмъ до единаго ложиться отдыхать.

Костеръ, не смотря на дождикъ, свѣтило горѣлъ посреди лагеря, раздуваемый рѣзкимъ, холоднымъ вѣ-

тромъ. Благотворная теплота, вмѣстѣ съ гуломъ сильно колебавшихся кедровъ и сосенъ, разливала на козаковъ усыпленіе, похожее на очарованіе. Едва легли они въ шатры свои, поднявъ полы оныхъ противъ огня, какъ и заснули сномъ молодецкимъ.

Одинъ Самусь бодрствовалъ, онъ выжидалъ эту минуту съ нетерпѣніемъ тигра, готовящагося напасть на свою жертву. Долго прислушивался онъ къ храпенію товарищей, нѣсколько разъ обходилъ вокругъ палапокъ, производилъ шумъ охабкою дровъ, которые нарочно набралъ, чтобъ кинуть въ костеръ въ случаѣ, если кто его окликнетъ; подолгу останавливался передъ тѣми, въ коихъ сомнѣвался; наконецъ, увѣрившись въ безпечности, или лучше сказать въ безчувственности козаковъ, онъ поспѣшилъ выполнить

адскій заговоръ Мещеряка. Не трону́ло предателя и спокойное чело предводителя, которое никогда не сіяло такою ангельскою добротою и довѣренностію. Если бъ Самусь хотя на одно мгновеніе могъ быть человѣкомъ, а не чудовищемъ, то, конечно, поразился бы отпечаткомъ какого-то высшаго блаженства, какого-то райскаго, не земнаго вожделѣнія, которыми отражалось лице героя, при яркихъ отблескахъ потухавшаго костра.

Минута — и Самусь былъ уже на другой сторонѣ Иртыша, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его Кучумъ, еще минута и державный слѣпецъ, пылавшій мщеніемъ, переправился въ бродъ черезъ рѣку съ многочисленною конницею. Осторожно, безъ малѣйшаго шума, Татары подползли къ козацкому лагерю: въ немъ всё

было тихо и безмолвно, какъ въ могилѣ. Татары успѣли принять необходимыя мѣры для совершеннаго успѣха и безопасности — а ни одинъ козакъ не пошевелился. Съ стремленіемъ бросились враги на безоружныхъ героевъ, съ коими за минуту не дерзнули бы сразиться въ чистомъ полѣ, не смотря, что были въ нѣсколько разъ превосходнѣе ихъ числомъ — и въ мгновеніе ока не спало двухъ сотъ храбрыхъ на землѣ. Ермакъ, пораженный также сильными ударами, не палъ однако, подобно своимъ товарищамъ: нѣсколько острыхъ кинжаловъ увязло въ кольцахъ булатной брони его, которая по крайней мѣрѣ дала герою средство дорого продать жизнь свою. Онъ воспрянулъ подобно уязвленному льву. Нѣсколько отчаянныхъ смѣльчаковъ заплатили жизнію за

свою дерзость. Напрасно вождь звалъ къ себѣ на помощь: голосъ его, — доселѣ возбуждавшій въ витязяхъ новыя силы, передававшій имъ, какъ электричествомъ, новую бодрость, новое пламя, оживлявшій самыхъ раненыхъ новою жизнію — раздавался тщетно среди дикихъ воплей непріятельскихъ, звука мечей и стона издыхающихъ товарищей. Ермакъ почувствовалъ опасность и неизбѣжную гибель; но не теряя присутствія духа, сталъ онъ отступать, отражая удары сабель и кинжаловъ, на него устремленныхъ. Можетъ быть, онъ надѣялся еще дойти до берега и спастись въ лодкѣ, полагаясь на тьму ночную; но увы! удѣлъ его уже былъ рѣшенъ Свыше! Тѣснимый непріятелемъ, покрытый ранами, Ермакъ долго еще удерживался на краю крѣпкаго утеса, не

думая, чтобъ самый утесъ измѣнилъ ему: гранитъ поколебался подъ пятою героя и низвергся съ нимъ въ пучину бурной рѣки; тяжелая броня и истощенныя силы погрузили его на дно глубокаго Иртыша.

Конецъ горькій для завоевателя: ибо лишась жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы?.. Нѣтъ! волны Иртыша не поглотили ее: Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память! (*)

(*) И. Р. Г. Карамзина: Т. IX. стр. 407.

ГЛАВА VI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Грустно, безотрадно для читателя видѣть бѣдственный конецъ завоевателей Сибири, видѣть великія доблести, какъ будто попранными низкою злобою и коварствомъ! Но намъ ли, смертнымъ, входить въ изслѣдованіе судебъ Всевышняго? дерзнемъ ли сомнѣваться въ мудрости и благости Провидѣнія, мы, убѣждающіеся на каждомъ шагу въ

ничтожности человѣческихъ предположеній, вѣрующіе какъ Христіане въ утѣшительную истину, что для страждущей здѣсь добродѣтели, равно какъ и для торжествующаго порока — уготовано возмѣздіе въ томъ, лучшемъ мірѣ!

Послѣдствія и въ семъ случаѣ показали, что коварство и измѣна не имѣли большаго успѣха. Кучумъ, перерѣзавъ предательски 200 героевъ, не могъ отнять Сибирскаго царства, ими завоеваннаго для великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. А потому заключимъ картину сего великаго событія, единственно изображеніемъ жребія оспіальныхъ лицъ, въ ней дѣйствовавшихъ.

Напрасно Кучумъ употреблялъ

усилія, чтобъ достать утопшее тѣло Ермака; оно не прежде недѣли, т. е. 13 Августа, прибито было волнами къ Епапчинскимъ юртамъ, отстоявшимъ въ 12-ти верстахъ отъ Абалака. Внукъ Князя Бегиша, Янимъ, занимавшійся въ то время рыболовствомъ, увидѣлъ его, и, вытаща изъ воды, узналъ по брони съ золотыми орлами на груди и на спинѣ. Слухъ о сей радости съ быстротою молніи разнесся по всѣмъ улусамъ. Издалеча Мурзы Татарскіе и Князья Остякскіе и Вогульскіе стекались взглянуть на трупъ исполина, почитаемаго ими безсмертнымъ. Чтобъ удостовѣриться въ его смерти, варвары пускали стрѣлы въ бездушное тѣло, и приходили въ испугъ и недоумѣніе, когда при всякой язвѣ изъ него выступала свѣжая кровь. Плотоядныя птицы, стадами

віясь надъ трупомъ, не смѣли его коснуться, инымъ снился Ермакъ воскреснувшимъ съ мечемъ грознаго мстителя. Сіи и подобныя чудныя явленія заставили ихъ съ честію предать останки героя на Бегличевскомъ кладбищѣ, подъ густою сосною, недалеко отъ вѣковаго кедра, котораго сухой остовъ доселѣ еще существуетъ. Не менѣе дивныя чудеса представлялись и надъ его могилою: ночью пылалъ надъ нею огненный столбъ, днемъ слышали явственно страшный голосъ Побѣдителя Сибири. Земля съ могилы Ермаковой производила изцѣленіе и возбуждала неодолимый духъ мужества (1). Кучумъ дотолѣ не успо-

(1) Калмыцкій Тайша Аблай удосповѣрялъ Сотника Ремезова въ 165 -мъ году, что онъ съ горстію сей земли всегда побѣждаетъ.

коился, доколѣ Муллы и Ахуны не нашли способа перенесть тайкомъ тѣло Ермака въ такое скрытое мѣсто, что никто впредь не могъ опыскать его. Погребеніе Ермака праздновано было Татарами съ величайшею роскошью и веселіемъ: болѣе 30 быковъ съѣдено было при семъ торжествѣ. Верхнюю кольчугу Ермака отдали жрецамъ славнаго Бѣлгородскаго идола, нижнюю Мурзѣ Кандаулу (1), кафтанъ Князю Сейдяку, а саблю съ поясомъ Мурзѣ Корагѣ.

---

(1) Кольчугу сію досталъ отъ наслѣдниковъ Кандаула упомянутый Мурза Аблай, присылавшій для того нарочное посольство въ Тобольскъ. Броня сія была длиною 2 аршина, въ ширину въ плечахъ 1¼ аршина, съ золотымъ орломъ на груди и на спинѣ, съ мѣдною опушкою на рукавахъ и вокругъ полъ въ 2 вершка.

Авторъ желалъ бы, для полноты картины, представить послѣ сего родословную нашего героя; но къ сожалѣнію, происхожденіе Ермака покрыто непроницаемостію. Свѣдѣнія, помѣщенныя о родѣ его въ рукописной *Повѣсти о взятіи Сибирской земли*, изъ коей почтенный Исторіографъ нашъ привелъ нѣсколько выписокъ въ драгоцѣнныхъ своихъ примѣчаніяхъ, не заслуживаютъ довѣрія! А сказка, изданная въ 1807 году подъ названіемъ: *Жизнь и дѣянія Ермака*, и того менѣе, почему остается ограничиться нѣкоторыми преданіями о родѣ и молодости Ермака, сохранившимися на Дону. Достовѣрно, что онъ былъ сынъ простаго козака, и назывался *Васильемъ*. Ермакъ же было ему прозвище, которое не рѣдко въ тотъ вѣкъ на Руси, и въ высшемъ сословіи замѣняло

имена, даваемыя при крещеніи. Прозвище сіе получилъ онъ отъ дорожнаго артельнаго тагана, называвшагося у нихъ Ермакомъ, который поручался юному Василью во время походовъ и наѣздовъ козаками, бравшими его съ собою въ должности кашевара, замѣтя въ ребенкѣ необыкновенную смѣлливость и проворство. По мѣрѣ возмужалости своей, Ермакъ отличался предъ своими сверстниками мужествомъ и отвагою, составлявшими первое достоинство молодаго козака. Рожденный съ буйною, пламенною душею и необузданною волею, онъ не умѣлъ ни чувствовать, ни дѣйствовать равнодушно. Очень естественно, что познавъ сладость любви — Ермакъ предался всей необузданности пылкой страсти, онъ полюбилъ дочь знаменитаго Атамана Смаги. Къ несча-

стію Ермака, Мещерякъ былъ также не равнодушенъ къ прелестямъ наслѣдницы богатаго Смаги, и по старшинству своему предъ Ермакомъ надѣялся быть предпочтенъ отцомъ и дочерью. Въ послѣднемъ онъ ошибся: невинная дѣвушка предпочла страстнаго отвагу разчетливому Атаману, и платила взаимностію Ермаку, который между тѣмъ пріобрѣтая болѣе и болѣе уваженія и силы у своихъ земляковъ дѣлами славными, избранъ [illegible]ъ и самъ въ Атаманы. Мещеряк[illegible], какъ самый хитрый злодѣй, не рѣшался идти открытою силою противъ столь опаснаго непріятеля: напротивъ, вкравшись въ дружбу и довѣренность Ермака, — съ величайшимъ искусствомъ старался отвращать его отъ любви, какъ недостойной его страсти, порождалъ безпрерывно

распри между Ермакомъ и Смагою, увеличивалъ подозрительность, которою обыкновенно сопровождается пылкая любовь, и наконецъ успѣлъ представить въ такомъ вѣроподобіи невѣрность его любезной, что Ермакъ, въ порывѣ бѣшеной ревности, поразилъ существо имъ обожаемое, невинное, страстно его любившее, и тѣмъ же кинжаломъ предалъ смерти мнимаго своего соперника.

Съ сей минуты, пылкая страсть превратилась въ разтерзанномъ сердцѣ Ермака въ ненависть неограниченную: онъ поклялся презрѣніемъ, мщеніемъ невѣрному полу, созданному для гибели человѣческаго рода; — но невинная кровь жгла его сердце, — преслѣдовала его и во снѣ и на яву, не давала ему часа покою, не только радости въ сей жизни, сдѣлала его мрачнымъ, суровымъ, человѣконена-

видцемъ..... Гонимый болѣе совѣстію, нежели угрожаемый местію, Ермакъ съ горстію отвагъ перебрался на Волгу, и скоро привелъ набѣгами своими въ ужасъ всѣ караваны, спремившіеся съ Востока въ Астрахань, Казань и Москву. Съ неимовѣрнымъ искусствомъ умѣлъ Ермакъ избѣгать великія силы, посылаемыя Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, для усмиренія дерзкихъ разбойниковъ, а въ случаѣ необходимости разбивалъ ихъ. Въ одномъ кровопролитіи Ермакъ находилъ себѣ еще нѣкоторую отраду, кидался во всѣ опасности, искалъ смерти, — но смерть его бѣгала.

Донцы восхищались громкими подвигами своего земляка, толпами сбирались подъ хоругвь его самой отчаянной отваги всякой разъ, какъ не было дѣла у нихъ съ сосѣдями.

Между тѣмъ ненависть Ермака къ людямъ превратилась лѣтами въ хладнокровіе, пылкость въ разсудительность, отчаяніе — въ осторожность. Лѣта ослабили съ обѣихъ сторонъ и воспоминаніе несчастій, совершившихся въ Раздорахъ; — Ермакъ возвратился на родину. Въ семъ положеніи, познакомились мы съ Ермакомъ Тимофеевичемъ на пиру Атамана *Луковки*, и слѣдовали за нимъ до плачевнаго окончанія славныхъ дней его.

Самусъ въ тотъ же день принесъ вѣсть Мещеряку о удачномъ совершеніи злодѣянія; но Мещерякъ мѣдлилъ объявить сіе несчастіе Дружинѣ, ожидая Кучума, или довѣреннаго его, которому, по условію, онъ обѣщался принесть въ жертву и остальныхъ своихъ товарищей, онъ мѣдлилъ и потому, что въ го-

ловѣ у него стало зараждаться нѣкоторое подозрѣніе на Кучума; ибо онъ съ Самусомъ не получилъ отъ него условленнаго между ними знака въ случаѣ успѣха. Мещерякъ нарочно разставилъ, у крѣпостныхъ воротъ, пріятелей своихъ Самуса и Габана, дабы не допускать ни кого изъ козаковъ къ Кучуму, или отъ него посланному, пока онъ самъ съ нимъ не переговоритъ. Въ полночь объявили ему о пріѣздѣ Алея, сына Кучумова, который не захотѣлъ войти въ городъ, а требовалъ Мещеряка въ лѣсъ, на мѣсто ихъ прежнихъ тайныхъ переговоровъ. Еще новое свидѣтельство измѣны Кучума, подумалъ Мещерякъ, и не обманулся.

«Сибирскій Царь, велѣлъ сказать тебѣ, началъ говорить Алей, что онъ любитъ предательство, а презираетъ предателей.....»

«Ни слова болѣе,» прервалъ его Мещерякъ. «Вижу отецъ твой, лишившись зрѣнія, потерялъ и проницательность разума: онъ не понялъ сладкаго чувства мести, которое можетъ овладѣть сильною, возвышенною душею. Не смерти Ермака жаждало сердце Машвѣя. Нѣтъ! это низкое чувство принадлежитъ только вамъ Мусульманамъ; нѣтъ! мнѣ хотѣлось унизить Ермака, омрачить имя его дѣломъ постыднымъ. Я поклялся вырвать у него славу великихъ дѣлъ его, и успѣлъ бы, если бъ не встрѣчалъ по несчастію предателей и пруссовъ подобныхъ Кучуму.»

«Мещерякъ! воскликнулъ Царевичь, если бъ ты не былъ правовѣрный, то я наказалъ бы давно гнуснаго яура.»

«Знай же, низкій бусурманинъ, что я Христіанинъ, и соглашался на

обрѣзаніе, чтобъ пособить Кучуму удержать потерянное имъ царство»

«Ха, ха, ха! Измѣнникъ родины и вѣры думалъ быть сподвижникомъ Царя Сибирскаго.»

«Довольно! вскричалъ съ яростію Мещерякъ, придите испытать судьбу Карачи. Вы узнаете руку, которая руководила всѣми дѣйствіями и самаго Ермака. Скоро несмѣтная Московская рать поможетъ мнѣ отомстить вѣроломнымъ....»

Возвратясь въ крѣпость, онъ повѣдалъ дружинѣ, состоявшей изъ 150 козаковъ, Стрѣльцевъ и Нѣмцевъ, нещастную гибель Ермака и его товарищей, и сколько ни старался, не могъ возбудить въ нихъ чувствъ мужества и благородной мести, — съ Ермакомъ для козаковъ все кончилось, и смѣлость великодушная, и надежды отрадныя. Они единогла-

сно требовали скорѣйшаго возвращенія въ Россію.

Мещерякъ, обдумавъ хорошенько свое опасное положеніе, рѣшился выполнить требованіе козаковъ, и велѣлъ немедленно сбираться въ обратный путь. Но едва козаки хотѣли передъ свѣтомъ выступить изъ крѣпости, какъ усмотрѣли не въ далекѣ нѣчто движущееся. Благоразуміе требовало остановиться и развѣдать, нѣтъ ли какой тутъ засады? и точно, посланный лазутчикъ возвратился съ Татариномъ, отправленнымъ отъ Алея къ Головѣ Глухову, коего вызывалъ онъ на свиданіе съ собою для мирнаго дѣла, въ присутствіи всей дружины. Странное предложеніе сіе для всѣхъ было загадкою, кромѣ Мещеряка, который тотчасъ постигъ причину онаго. Онъ старался доказать, что въ семъ

предложеніи кроется умыселъ. Тапары хотятъ или выманить насъ, или узнать наши силы, говорилъ онъ, и посланцу было отказано. Но когда Тапаринъ сказалъ, что имѣетъ уполномочіе повѣдать слова Царевича всякому другому, кромѣ Мещеряка, то сему послѣднему не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ готовиться къ изобрѣтенію новыхъ хитростей. Когда козаки указали Тапарину на Глухова, для выслушанія его предложенія, то онъ сказалъ: «Кучумъ, Царь Сибирскій, даетъ вамъ жизнь и позволеніе возвратиться на Русь, а требуетъ головы одного предателя вашего Мещеряка.»

«Ха, ха, ха! прервалъ рѣчь его Мещерякъ съ насмѣшкою; новый или старый Царь Сибирскій сдѣлался больно добръ, жалуя жизнію воиновъ, которые выгнали его изъ Царства,

и пожалуй прогонятъ еще подальше, къ Болдыхану въ сказочники, а пребуетъ только голову своего пріятеля?»

«Но ты самъ сказывалъ, предатель, возразилъ Татаринъ, что у васъ въ крѣпости осталось 150 человѣкъ всякой сволочи. Можно ли же вамъ держаться противу несчетныхъ силъ Царя Кучума и голода?»

«Изволь, покажемъ эту возможность твоему Кучуму, продолжалъ Мещерякъ съ прежнею язвительностію, также убѣдительно, какъ доказали мурзѣ его Карачѣ. Товарищи, воскликнулъ онъ съ жаромъ, обращясь къ козакамъ. Вы видите, что коварный Кучумъ готовитъ вамъ сѣти, дабы подъ предлогомъ мира, удобнѣе заманить васъ въ нихъ. Нѣтъ! друзья, не давайте себя въ обманъ лукавому бусурманину, велите сказать Алею

и Кучуму, что у великаго Московскаго Царя найдется не одинъ Ермакъ, который съумѣетъ наказать вѣроломство; а если для того мало нашей силы, то Гроза ведетъ рать изъ Москвы.»

Съ симъ отвѣтомъ отправили обратно посланца Алеева; но безъ сомнѣнія Мещерякъ расчелъ, что угрозы его недостаточны для удержанія на долго Кучума въ страхѣ, а рать Московская могла и не скоро придти, а потому онъ не только не противился болѣе, напротивъ торопилъ козаковъ выступить изъ Искера. Но между ними и Святою Русью, предстояли еще пустыни необозримыя, опасности неодолимыя, битвы безпрерывныя; Кучумъ не оставитъ преслѣдовать ихъ, если изберутъ они прежній путь, причемъ будетъ ему весьма легко воз-

становить противъ нихъ всѣ покоренные ими народы, тревожить ихъ, изнурять на каждомъ шагу; ибо до самаго хребта Урала, они должны будутъ подыматься противъ теченія рѣкъ быстрыхъ, каменистыхъ. Жалко было также козакамъ оставить въ Искерѣ и сокровища, нажитыя трудами кровавыми. И такъ по долгому размышленію они рѣшились пуститься внизъ по Иртышу, въ великую рѣку Обь, и черезъ Югорію пробраться въ Россію — путь отдаленный, но, по обстоятельствамъ, самый безопасный и вѣрный (*).

15-го Августа 1584 года, осталь-

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе о возвращеніи козаковъ Обью, помѣщенное въ Есиповскомъ лѣтописцѣ, достовѣрнѣе Строгоновскаго, который заставляетъ ихъ возвращаться прежнимъ путемъ!

ные герои непобѣдимой дружины Ермака, вышли изъ столицы Сибирской на 8 стругахъ плотно нагруженныхъ, забравъ всю артиллерію и воинскіе снаряды, вышли съ горькими слезами, покидая въ ней гробы братьевъ и знаменія Христіанства; но съ какимъ-то пріятнымъ предчувствіемъ скораго возвращенія. Кучумъ на третій день отъѣзда козаковъ, пришелъ къ Искеру съ большими силами; но видя невозможность съ пользою преслѣдовать непріятеля, — все еще для него страшнаго, непобѣдимаго, оставилъ его въ покоѣ продолжать свой обратный путь, готовъ будучи, безъ сомнѣнія, по пословицѣ, *намостить и золотой мостъ!*

Плывя безъ малѣйшаго безпокойства по величественной Оби, и видя съ каждымъ днемъ безопасность свою

увеличивающеюся, козаки начинали вкушать нѣкоторую опраду въ своемъ изгнаніи: сначала тихіе заунывные запѣвы, потомъ громкія пѣсни съ закапами, стали раздаваться на стругахъ козацкихъ, одинъ только Мещерякъ становился часъ отъ часу мрачнѣе, угрюмѣе, диче; лице его, и безъ того безобразное, сдѣлалось страшнымъ, глаза перекосились, и едва выглядывали изъ двухъ впадинъ, какъ изъ филинова дупла. По ночамъ онъ скрежеталъ зубами такъ страшно, что будилъ и приводилъ въ ужасъ своихъ сосѣдей; не рѣдко вскакивалъ и съ трепетомъ и воплями бѣжалъ, какъ будто избѣгая острыхъ когтей преслѣдователя.

Козаки, никогда его не любившіе, стали подъ конецъ бояться какъ одержимаго нечистымъ духомъ, и немного пожалѣли, когда однажды,

готовясь отвалить съ ночнаго привалу, — нашли его висящимъ на суку высокой лиственницы, — еще болѣе обезображеннымъ мукамы насильственной смерти. Долго суевѣрные козаки не смѣли къ нему приблизиться, и не знали, похоронить ли его, или оставить на деревѣ? но боясь преслѣдованій тѣни висельника, (чего опасаются когда тѣло его *остается не преданнымъ* землѣ) рѣшились закопать его глубже подъ тѣмъ деревомъ; а чтобъ онъ не смѣлъ никогда вылѣзать изъ своей могилы, и прогуливаться по бѣлу свѣту съ вѣдьмами и упырями, — на страхъ православнымъ; то, обрубивъ сучья у лиственницы, и прикрѣпивъ къ ней поперегъ другое большое дерево, сдѣлали изъ того высокій крестъ. Крестъ сей долго былъ видѣнъ на одномъ острову близъ

Березова, и служилъ предметомъ набожности и страха пловцевъ по великой рѣкѣ. Такимъ образомъ совершился судъ надъ злодѣемъ, и въ здѣшнемъ мірѣ, хотя нельзя опредѣлить, мука ли преступной совѣсти, или досада на неудачи во всѣхъ своихъ замыслахъ, для коихъ совершалъ онъ столько напрасныхъ преступленій, или страхъ царскаго гнѣва побудили Мещеряка, положить конецъ своему существованію, служившему какъ бы укоризною благому Провидѣнію. Если бъ неисповѣдимыми судьбами занесенъ былъ на могилу Мещеряка знаменитый Греческій человѣконенавистникъ Тимонъ, то, вѣрно, онъ повторилъ бы свое желаніе: «дабы деревья почаще производили столь полезные плоды!»

Мы видѣли, что Строгоновы оставались въ Москвѣ, и по отправленіи Кольца въ Сибирь. Не понималъ никто, почему Царь Іоаннъ Васильевичь мѣдлилъ ихъ отпускомь, не зналъ никто, чѣмъ онъ намѣревается наградить именитыхъ людей за ихъ службы великія!

Между тѣмъ Князь Аввакумъ Лобанъ далъ знать Максиму Яковлевичу подъ рукою, чтобъ онъ припряталъ свою красавицу въ монастырь, что было единственною преградою и спасеніемъ отъ развращеннаго сластолюбія Іоаннова. Строгоновъ вострепеталъ отъ ужаса, ибо считалъ себя нѣкоторымъ образомъ причиною смерти Атамана Луковки, котораго видѣлъ онъ предъ глазами своими разтерзаннымъ медвѣдемъ, подареннымъ имъ Іоанну. Теперь можетъ сдѣлаться причиною позора

дочери сего храбраго страдальца, имъ перевезенной какъ нарочно для того въ Москву? «Нѣтъ! этому не бывать, сказалъ Максимъ Яковлевичь, и въ туже ночь отправилъ Велику съ надежными людьми обратно въ Орелъ-городокъ, не смотря, что она еще не совершенно оправилась послѣ сильной горячки, въ которую положило ее извѣстіе о ужасной смерти отца своего, *неосторожно ей сказанное.*

Благословляя бѣдную сироту на дальній путь, съ отеческою горячностію, Максимъ Яковлевичь промолвилъ: «Благодарю Бога, что имѣю еще время и силы выручить тебя изъ подъ монашескаго покрывала.»

Но слова сіи зародили мысль въ головѣ сироты объ опредѣленіи себя Свыше, для монашескаго званія, которая доселѣ ей не приходила. Мысль *сія* въ продолженіи длинной дороги,

созрѣвала и увеличивалась. Не разъ Велика припоминала бѣдствія и стра-данія, коими исполнена жизнь е коими куплены ея скоротечныя ми-нуты радости; она чувствовала, что если бъ въ состояніи была по-бѣдить свое сердце, то почла бы за верховное счастіе, посвятить жизнь свою тихой обители, для возблагодаренія Господа, за чудесный промыслъ о ней, въ минуты гибели неизбѣжной, золъ неотвратимыхъ.

Исполненная сихъ мыслей, возвра-тилась Велика къ милой и грустной Татьянѣ, и конечно, вдохновеніе чувствъ сихъ должно считать новою благодатью, ниспосланною благимъ Провидѣніемъ для подкрѣпленія бѣдной Велики, къ перенесенію новой, тяг-чайшей горести, ожидавшей ея въ Орлѣ-городкѣ. Здѣсь узнала она о смер-ти Владиміра, который кончилъ

жизнь на рукахъ Татьяны. Послѣ сего ничто уже не удерживало Велику предаться пламенному своему желанію, сладчайшему чувству души и сердца, — посвятить себя служенію Господа, любить одного Бога...

Частыя ли бесѣды подругъ — соперницъ о счастіи и спокойствіи иноческой жизни, или взаимная потеря самаго драгоцѣннаго для нихъ — сблизили ихъ и на счетъ понятій о бѣдствіяхъ жизни, внѣ стѣнъ монастырскихъ, но Максимъ Яковлевичъ вынужденнымъ нашелся выполнить непремѣнную волю упрямыхъ красавицъ, какъ ни уговаривалъ ихъ, какъ ни представлялъ имъ ихъ заблужденіе. Въ послѣдствіи Пыскорскій монастырь, въ которомъ отправлялось постриженіе безъ шума, безъ блеска, безъ свидѣтелей богатѣйшей наслѣдницы и ея подруги, подъ именемъ

Акилины и Минодоры, обогащенъ былъ опъ щедротъ Строгоновыхъ несмѣтными богатствами, и даже Дедюхино, считавшееся приданымъ Татьяны Максимовны, отдано было сей обители.

Что касается до Строгоновыхъ, то Царь Іоаннъ Васильевичь, *за службу и радѣніе* ихъ при покореніи Сибири, пожаловалъ имъ два знатныхъ мѣстечка по Волгѣ: большую и малую Соль, и право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно.

Справа отъ церкви, видны въ Орлѣ - городкѣ куча кирпичей и толстый пень. Это, по всей вѣроятности, могила доблестнаго Атамана Грозы—Князя Сибирскаго. Слѣдуя въ Москву съ знаменитымъ плѣн-

никомъ своимъ Маметкуломъ, онъ заѣхалъ въ Каргеданъ, дабы успокоиться нѣсколько отъ тягостей пути, совершенно распроившихъ его слабое здоровье, и весьма вѣроятно, что надѣялся тутъ найти и обожаемую имъ Велику; но обманулся и въ томъ и другомъ: Велика была въ Москвѣ съ Максимомъ Яковлевичемъ, а здоровье его, вмѣсто того, чтобъ поправиться, разрушалось часъ отъ часу болѣе. Недостаточно было для пламеннаго сердца нѣжнѣйшей дружбы, чтобъ вдохнуть въ него огнь новой жизни: Владиміръ погасъ какъ свѣчка, тихо, безмятежно, при всѣхъ утѣшеніяхъ религіи, и искреннемъ сожалѣніи всѣхъ его знавшихъ. Вѣритъ ли преданію,— будто могила Грозы долго покрывалась ежегодно свѣжими цвѣтами, которые, на зарѣ утренней поли-

вались невидимою рукою? а потомъ нѣсколько столѣтій кудрявый кедръ разширялъ надъ нею свои огромныя вѣтви, какъ будто охраняя драгоцѣнный прахъ героя отъ вьюгъ и непогодъ Сибирскихъ.

Маметкулъ прибылъ въ Москву въ 1584 году, уже при наслѣдникѣ Іоанна, и принятъ былъ не какъ плѣнникъ, но съ почестями, равняющимися высокому его роду. Ласки и милости юнаго Царя, пожаловавшаго ему большія помѣстья, заставили Царевича забыть свое отечество, и посвятить себя на службу Россіи. Онъ вызвалъ изъ Сибири мать свою, и принялъ Христіанскую религію. Въ 1590 году, Маметкулъ былъ въ походѣ противъ Шведовъ, а въ 1598 году ходилъ съ Царемъ Борисомъ

Ѳедоровичем Годуновымъ, къ Серпухову, на прѣчу Крымскихъ Татаръ, и вездѣ отличался усердіемъ и мужествомъ. Въ реляціяхъ и современныхъ грамотахъ, онъ писался или Царевичемъ Сибирскимъ, или Маметкуломъ - Алтаумовичемъ. Отъ него произошелъ родъ Князей Сибирскихъ.

Храбрый Царь — изгнанникъ Кучумъ, лишась въ другой и послѣдній разъ, своей столицы и Царства, не хотѣлъ покориться своему року: долго скитался съ шайками Ногаевъ, по степи Барабинской, дѣлалъ отчаянные наѣзды, не принималъ никакихъ милостей отъ Царя Русскаго, не слушалъ даже увѣщаній сына своего Абдулъ-Хаира, который изъ Москвы славилъ великодушіе Ѳеодора, и мирился только на одномъ, — на воз-

вращеніи ему Сибири [illegible]ибири, которой пріобрѣте[illegible]становилось между тѣмъ, часъ отъ часу чувствительнѣе и ва[illegible]нѣе для Россіи. Въ 1585 году, т. [illegible]4 года спустя, по взятіи Искера Ермакомъ Тимофѣевичемъ, Сибирь доставляла уже въ казну Царкую ежегодно по 5000 сороковъ (200,000) соболей, 10,000 лисицъ черныхъ, 500,000 бѣлокъ, кромѣ *бобровъ и горностаевъ*! (*)

Но если есть средства изчислять сокровища, и даже опредѣлить количество золота, серебра, и другихъ драгоцѣнныхъ металловъ, коими обогатила Сибирь новую свою обладательницу, въ теченіи двухъ съ половиною столѣтій, то возможноли оцѣнить блага нравственныя, — столь щедро ею на нее изліянныя?

КОНЕЦЪ
четвертой и послѣдней части.

(*) И. Г. р. ч. X. стр. 27.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№
« » 193 г.